

ҖИДЛИК

ДУЖЕЙМГ БРЭНЧ КҖЙВЕЛ
Сказание
о Мануэле

СЕРГЕЙ С. СЕРГЕЕВ

Annotation

Джеймс Брэнч Кейбелл (1879-1958 гг.) – писатель, незаслуженно забытый в наши дни, однако в свое время считавшийся одним из ведущих мастеров американской «литературной легенды» первой половины XX в.

Кейбелл создал немало произведений, однако наибольшую известность ему принесла масштабная и изысканная фэнтези-сага «Сказание о Мануэле»!

Джеймс Брэнч Кейбелл

Domnei

(комедия женопочитания)

«En cor gentil domnei per mart no passa».

Совокупность мнений и идей, привязанностей и привычек, которая побуждала рыцаря посвятить себя служению прекрасной даме и с помощью которой он стремился доказать свою любовь к ней и заслужить ответное чувство, на языке трубадуров выражалась одним словом «domnei», производным от слова «domna», которое восходит к латинскому «domina», что означает «госпожа», «возлюбленная».

Ш.К. Фориель.

«История провансальской поэзии»

Нормандец Никола раз написал
(Для отдыха души, как думал он)
Рассказ про Мелиценту – идеал,
К которому стремился Перион.
Какие страсти, сколько чувств и мук,
Опасностей, коварства и разлук
Из-за девицы глупой мир познал!
Томас Апклифф

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Никола де Кан, один из самых выдающихся французских романистов, родился в Нормандии в начале XV века, а умер около 1470 г. Мало известно о его жизни, кроме того, что часть своей юности он провел в Англии, где был приближен ко двору вдовствующей королевы Иоанны Наваррской. Исходя из того факта, что два его произведения посвящены Изабелле Португальской, третьей жене Филиппа Доброго, герцога Бургундского, можно сделать вывод, что он был близок ко двору этого монарха. Никола де Кан не был широко известен и не очень ценился как своими современниками, так и писателями последующего времени, но в наш век он наконец получил признание как за свой необыкновенный дар рассказчика, так и за великолепное знание людей, их обычаев и умонастроений. Таким образом, его книги, несмотря на языковые трудности, интересны в качестве образцов французского рыцарского романа, изобилующих живыми подробностями того времени...

Никола де Кану приписывается множество романов. Но современная критика считает, что только пять из них несомненно принадлежат его перу:

- 1) «Приключения Адельмара Нуантеля», весьма незрелый роман в стихах, около семи тысяч строк;
- 2) «Мадок и Эттарра», также стихотворное произведение на основе известной пуактесмской легенды;
- 3) «Король Амори», отличное произведение в прозе, хорошо известное английским студентам по яркому переводу Ватсона;
- 4) «Роман о Лузиньяне», воскрешающем миф о Мелюзине (большая часть этого произведения утеряна);
- 5) «Десяток королев», сборник псевдоисторических новелл, со стихотворными вкраплениями.

Еще шесть произведений приписываются перу Никола де Кана, но они утеряны. Возможно, он написал и «Румяного рогоносца» и сделал несколько переводов Овидия, которые до сих пор не опубликованы. Сатиры же о «Братстве Серебряного Жеребца», приписываемые Никола, как доказал Бюль, были созданы в XVII веке.

Э. Нозль Кодман.

«Указатель литературных первопроходцев».

Никола де Кан – один из милых, наивных и в то же время весьма тонко чувствующих свою эпоху и время писателей, которых мы любим за то, что они являются подлинными представителями золотого века... Никола писал о своем Короле и о своей Даме, а точнее о своем Боге. Он чувствовал, что мир вокруг него с каждым днем погружался все глубже во мрак и неопределенность, но в то же время он ощущал незримую защиту и поддержку в каждом трепетном дыхании этого мира и, словно сквозь дымку, он видел голубое небо над головой и живых людей вокруг. Самая отважная и воинственная натура уживается со страхом и прямодушным доверием, как это бывает у ребенка. Наблюдая подобное, наиболее раскрепощенные умы, скрывая улыбку, невольно восклицают: «Святая простота!»

Поль Вервиль.

«Заметки о жизни Никола де Кана».

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Вот так, посредством Женопочитанья,
Разбойники ведут себя честней,
Не обращают кесари вниманья,
Что царства их становятся бедней,
А рыцари горят одним желаньем —
Достойным Мелиценты стать скорей,
В сравненьи ангелы с которой грубы:
Изящен так взмах рук, изгиб бедра,
Сапфиры — ее очи, Жемчуг — зубы,
В перстах — туманный отблеск Серебра,
И алые Рубины — ее губы,
А кудри — Меди с Золотом игра.
Но мало видит кто, как хороша
Ее благочестивая Душа.
Сэр Вильям Оллонби

* * *

Роман о Лузиньяне забытого сочинителя, писавшего по-французски, а именно мессира Никола де Кана.

Вот повесть, которую рассказывают в Пуактесме о госпоже Мелиценте, дочери великого графа Мануэля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРИОН

*Как Перион на пиршестве вельмож
Угрюм и на себя был не похож.
Поскольку Мелицента замуж шла
За старого, больного короля,
Благоразумье он отбросил прочь,
Себя уже не в силах превозмочь:
Огонь желания его объял,
И он в Венерином костре сгорал.*

ГЛАВА I

Как разоблачили Периона

В последствии Перион вспоминал о двух неделях, проведенных в Бельгарде, так, как выздоравливающий вспоминает о своей болезни: словно это была некая лихорадочная дрема, наполненная нестерпимым светом и непрерывным смехом. Он многое познал и увидел в гостеприимном доме графа Эммерика: отверженный вошел в радостный мир благородных людей, светских женщин и даже был представлен королю. Но все это время он отчасти находился в состоянии умственного расстройства, хорошо зная, насколько рискованно самозваному виконту де Пизанжу сохранять равновесие, так сказать, на золоченом камне, брошенном на мелководье между бесчестьем и забвением.

Сейчас, когда король Теодорет освободил всех от своего зловещего присутствия, молодой Перион проводил ежедневно не менее семи часов, по сути, наедине с госпожой Мелицентой. Где-то на расстоянии вытянутой руки веселились люди, развлекавшиеся тем или иным способом, но эти двое, казалось, лишь отчужденно наблюдают за ними: так царственные особы забавляются нанятыми комедиантами, не проявляя к ним какого-либо участия. Они были вместе, и вся эта толкотня, вся эта земная суета могла надеяться, самое большее, стать предметом их безразличного любопытства.

Они сидели, как думалось Периону, вместе в последний раз, среди публики, перед которой братство Святого Медара разыгрывало спектакль в жанре маска «Рождение Геракла». Епископ Менторский тем вечером вернулся в Бельгард вместе со своим братом, графом Ги, и они привезли из Эгремона этих затейников. Одетый в пурпур епископ ехал на коне впереди и играл на лютне, и это не совсем подобающее духовному лицу поведение, кроме его утонченного брата, никого не удивило.

Вот при каких обстоятельствах Перион начал свою речь. Говорил он с трудом, так как был поражен красотой и чистотой Мелиценты, а также мешала ему медленная, тягучая музыка, под которую танцевали Фивейские девы. Наконец он прервал свой шепот. Мелицента молчала, будто бы придирчиво рассматривая затоптанные зеленые камыши, покрывавшие, подобно ковру, пол в этом зале.

Затем Мелицента сказала:

— Вы говорите, что вы не виконт де Пизанж. Вы говорите, что вы приближенный покойного короля Гельмаса, подозреваемый в убийстве. Вы — человек, похитивший королевские сокровища... преступник, которого разыскивает половина христианского мира...

Вот так начала свою речь Мелицента. И он не мог вынести взгляда этих огромных и нежных глаз, фиолетовый оттенок которых как бы говорил о присутствии Всевышнего.

И Перион сказал:

– Да, я тот самый, повсюду травимый Перион Лесной. Настоящий виконт – это мошенник, от ран впавший в белую горячку, чему мы были свидетелями всего лишь в прошлый вторник. Да, на пороге вашего дома я напал на него, сражался с ним – но честно, сударыня! – и похитил бриллиантовые украшения вместе с его бумагами. Затем в силу необходимости я вынужден был устроить этот маскарад. Насколько я смыслю в танцах, я могу лишь сказать, что танцевать, не чуя под собой ног, довольно отвратительное занятие, особенно для самого танцора. Две недели безопасности до отплытия «Траншмера» я оцениваю по-своему. Вечером, сударыня, корабль встанет на якорь у Манвиля.

Мелицента же весьма странно спросила:

– Возможно, вы не такой уж презренный человек, каким хотели бы показаться?

– Возможно, я больший глупец, чем подозреваю, поскольку в то время, как обстоятельства благоприятствуют мне, я решил высказать всю голую и неприглядную правду. Объявите об этом и увидите, как недавнего виконта Пизанжа выволокут из зала и после соответствующих пыток через месяц повесят!

Тут Перион расхохотался.

Затем оба замолчали. Представление же тем временем продолжалось, и Амфитрион вновь вернулся с войны и пел под окном Алкмены утреннюю серенаду. Госпожа Мелицента внимала ему.

А через века, как показалось Периону, мягкие, прелестные губы вновь пришли в движение, и юная Мелицента сказала:

– Вы оскорбили своим невероятным мошенничеством, которому нет прощения, каждого присутствующего в этом зале. А мне вы нанесли наиболее глубокую рану. И, однако, признались вы только мне одной.

Перион наклонился вперед. Понятно, что по необходимости они говорили шепотом. И было удивительно видеть веселье вокруг. Меркурий прощался со служанкой Алкмены в середине быстрого танца.

– Но вы, – усмехнулся Перион, – милосердны. И поскольку я негодяй, я хочу воспользоваться этим. Я заперт в крепкой золотой клетке, я попал в прочный золотой капкан, я даже не могу раздобыть проводника до Манвиля. Я не могу взять лошадь из конюшен графа Эммерика, не вызвав подозрений. Я должен добраться до Манвиля к рассвету, иначе буду повешен. Я ставлю на карту все ради этого, и вы должны или спасти меня, или отдать в руки палача. Очевидно, как очевидно то, что есть Бог, мое будущее зависит от вас. Я совершенно уверен, вы не сможете жить спокойно, даже имея на своей совести убитого комара. Или я и впрямь не отпетый мошенник?

– Не напоминайте мне, что вы негодяй, – сказала Мелицента. – Нет, только не сейчас!

– Лакей, самозванец и вор! – упрямо ответил он. – Здесь весь мой послужной список, все мои титулы. И несмотря на это, по причине, которую я до конца не понимаю, мне приятно быть непростительно откровенным и вручить вам мою судьбу. Вечером, как я сказал, «Траншмер» встанет на якорь возле Манвиля. Достанете мне лошадь – и завтра я отправлюсь резать глотки на службу к разоренному греческому кайзеру, с которой я, похоже, никогда не вернусь. Проговоритесь – и меня повесят, не пройдет и месяца. Госпожа Мелицента взглянула на него, и в этот миг Периону было щедро заплачено за все глупости и ошибки его жизни.

– Что плохого я сделала вам, мессир де ла Форэ, что вы так позорите меня? До этого вечера я была счастлива, веря, что вы любите меня. Могу сказать это сейчас, поскольку, как я думаю, вы не тот человек, которого я мечтала полюбить. Вы только оболочка того человека. Но вы заставляете меня обойти закон, стать сообщницей разыскиваемого вора или, в противном случае, убить вас!

– К этому все идет, сударыня!

– Тогда я должна помочь сохранить вашу жизнь любым способом, который только взбредет вам в голову. Я не буду вам мешать. Я обеспечу вас проводником до Манвиля. Я даже прощу все ваши прегрешения, кроме одного, поскольку таким подлецом вас сотворили небеса.

Девушка была прекрасна в своем гневе.

– Потому что вы любите меня. Женщины это знают. Вы любите меня! Да!

– Без сомнения, сударыня.

– Посмотрите мне в глаза и скажите, какая ужасная причина привела вас к бесчестию и возможно ли от нее избавиться.

– Я низок, – ответил он, – однако не настолько низок, как вы полагаете. Нет, поверьте мне, я никогда не надеялся добиться даже такой презрительной доброты, с какой вы, например, относитесь к вашей болонке. Я лишь украдкой осмеливался взглянуть на Небеса и только так, как смотрел на Небеса библейский Богач. Низменный и подлый, я никогда не мечтал о том, что на пути к мерзости и грязи, которые впредь станут моим неминуемым уделом, меня будет сопровождать ангел.

– Представление закончилось, – сказала Мелицента, – а вы все говорите, говорите, говорите... и становится ясно все коварство вашей мнимой правды... Хорошо, я пошлю к вам надежного человека. А сейчас, ради Бога... нет, ради дьявола, который владеет вами... позвольте мне никогда вас больше не видеть, мессир де ла Форэ.

ГЛАВА II

Как веселился виконт

Затем последовали танцы и роскошный ужин. Виконт де Пизанж в тот вечер был признан самым блестящим кавалером. Он с удовольствием общался с пирующими гуляками и всегда находил точный и остроумный ответ на любую шутку, отпускаемую по поводу предстоящего бракосочетания госпожи Мелиценты и короля Теодорета, и в то же время не забывал, что полцарства обложило разбойничьи притоны, вылавливая Периона де ла Форэ. Источником бурного веселья Периона являлось то, что на следующее утро все в этом замке вдруг обнаружат, насколько опрометчиво они давали в долг, и что Мелицента уже сейчас не может не восхищаться дерзостью этого повсюду разыскиваемого преступника, как бы ни было глубоко отвращение, с которым она относилась к нему. Подумав об этом, Перион громко расхохотался.

– Вы сегодня веселей, чем обычно, мессир де Пизанж, – заметил епископ де Монтор.

Этот достойный молодой человек, как мы уже говорили, прибыл тем вечером в Бельгард из своего поместья в Жьене и пересек по пути темный Акаирский Лес. Именно он устроил свадьбу Мелиценты с королем Теодоретом. Епископ сам был влюблен в свою кузину Мелиценту, но, приняв духовный сан и потеряв возможность жениться, он с присущим ему коварством решил использовать красоту кузины, как использовал и многое другое, для своего собственного возвышения.

– Сударь, – ответил Перион, – вы известны как поэт и потому, конечно, знаете, что «веселей» рифмуется с «день сей», тогда как «гнетущий» – со словами «день грядущий».

– Но ваше веселье, мессир де Пизанж, лишь словесная круговерть, а «круговерть», – епископ жестко взглянул своими серыми глазами на Периона, – имеет весьма избитую рифму.

– Воистину это мрачная рифма. Она заставляет замолчать другие стихи, – согласился Перион. – Лучше я посмеюсь просто так, без всякой рифмы или причины.

Молодой священнослужитель настойчиво продолжал:

– Но у вас есть прекрасный повод для веселья. Ведь вы ужинаете в такой близости от Небес.

И он многозначительно взглянул на Мелиценту.

– Нет, нет, – ответил Перион. – У меня совсем другая причина для веселья. Ведь завтракать мне придется в Аду.

– Ну, что же. Как говорят, хозяин этого заведения воздает каждому по заслугам, – и епископ, пожав плечами, удалился.

– Дьявол несомненно воздаст каждому по заслугам, – проговорил вслух Перион.

ГЛАВА III

Как ухаживала Мелицента

От этих мыслей, от напрасных сожалений туман поплыл у него перед глазами. Периону привиделось, что дверь отворилась и в мрачную, обитую дубовыми панелями комнату осторожно вошла сама госпожа Мелицента, ему показалось, что Мелицента остановилась напротив камина и отблески огня играли на ее лице и платье, а ее слегка встревоженные глаза походили на глаза только что разбуженного ребенка.

И казалось, прошло много времени, прежде чем она заговорила и спокойно призналась в том, что все рассказала Айрару де Монтору, и по причине любви к ней епископа так подстроила нужный исход беседы – «подло», как выразилась она, – что было обещано, что порядочный человек зайдет в три часа за Перионом де ла Форэ и проводит вора до незаслуженной безнаказанности. Все это она проговорила совершенно спокойно, будто по книге, но вдруг голос ее изменился:

– Это правда. Но... Сейчас вы размышляете о том, почему я пришла сюда лично рассказать вам об этом?

– Сударыня, не могу и предположить. Нет, в самом деле, – воскликнул Перион, потому что знал правду и был несказанно напуган. – Не смею и предположить.

– Завтра вы уплывете воевать за море... – начала было она, но сладчайший голос ослабел и затем вовсе замер. Он слышал потрескивание дров и даже учащенное биение собственного сердца, словно наступила самая ужасная и прекрасная тишина на свете. – Возьмите меня с собой!

Перион потом никак не мог вспомнить, что он ответил. И действительно, то были какие-то бессвязные слова, какой-то лепет.

– Я не понимаю, – сказала Мелицента. – Послушайте, я была воспитана в целомудрии, никогда никому не причинила зла, через всю мою защищенную и спокойную жизнь я пронесла истинную любовь к правде и чести. Моя рассудительность допускает, что вы такой, каким себя описываете. И все же есть во мне нечто более властное, чем моя рассудительность, что кажется всеведущим и с легкостью отменяет ваши признания как совершенно неважные.

– Лакей, самозванец и вор! Вот список всех моих законных, честно заработанных титулов.

– И даже, если бы я поверила вам, по-моему, мне было бы это безразлично. Вы считаете это странным? Я должна презирать вас. Но даже в этом случае я бы бросила свою честь к вашим ногам, как делаю сейчас, и, лишь отчасти ненавидя себя, умоляла бы вас сделать меня своей женой, служанкой, кем угодно... О! Я думала, что когда придет любовь, она будет прекрасной!

Он сказал на удивление спокойно:

– Это прекрасно. Не было в моей жизни мгновения более счастливого. Вы стоите на расстоянии вытянутой руки, я могу дотронуться до вас, могу овладеть вами, могу сделать все, что захочу. Но я не смею и пальцем пошевелить. Я похож на человека, который долгое время томился в темнице, тщетно стремясь увидеть хоть кусочек неба, и который, когда его освободили, прячет глаза от солнца, поскольку не осмеливается взглянуть на него. Увы! Я недостойн вашего выбора и умоляю вас говорить со мной как можно суровее, сударыня, поскольку, когда ваши чистые глаза смотрят на меня с добротой, а ваши нежные, прекрасные губы находятся рядом с моими, я так возбужден и так счастлив, что боюсь, как бы не заревновали Небеса!

– Не бойтесь... – прошептала она.

– Мне нужно быть смелее? Через минуту разбудить графа Эммерика и смело сказать ему: «Милостивый государь, вор, которого ищет половина христианского мира, имеет честь просить руки вашей сестры»?

– Завтра вы уплывете воевать за море. Возьмите меня с собой!

– Такой подвиг был бы достоин меня! Вы так нежно воспитаны, вы привыкли к роскоши, присущей этому веку. К вам сватался великолепный и могущественный монарх, вполне достойный вашей любви, который разделит с вами много счастливых и светлых дней. А там страна, не знающая законов, обнаженная дикость, где я и мои сорвиголовы хотят обмануть правосудие и сохранить свои трижды пропадающие жизни. Вы просите меня помочь вам попасть в эту страну и никогда не вернуться! Сударыня, если бы я послушался вас, сам Сатана запротестовал бы против осквернения своего вечного огня такой мерзкой душой.

– Вы говорите о малом, я же говорю о большом. Любовь поддерживается не только приятной пищей, и ей служат не только люди, одетые в атлас.

– Тогда выслушайте неприкрытую правду! Бесспорно, я поклялся, что люблю вас. Но, сударыня, я слишком опытен в таких делах, как любовь, поскольку редко встречал женщин, которые тем или иным способом не могли завоевать мое сердце. И я признаюсь сейчас, что только вы одна не могли его взволновать. Единственной моей целью было посредством лести выманить у вас коня, а между делом развлечься, милая негодница! Вот и все... Клянусь вам, это все, все, все... – Перион зарыдал, и казалось, он находится при смерти. – Я забавлялся вами. Я отвратительнейшим образом вас надул.

Мелицента ждала окончания этой странной речи, и спокойный ее взгляд, казалось, проникал до самых глубин его сердца и оценивал все, о чем когда-либо думал Перион, к чему стремился он с первого, дня жизни. Эта женщина казалась Периону настолько прекрасной, что в сострадательности к человеческому безрассудству превосходила самых добрых ангелов.

– Да, – сказал Перион. – Я пытался вам солгать. Но даже в этом меня постигла неудача.

Она сказала с чудесной улыбкой:

– Определенно, никогда в мире не было таких сумасшедших, как мы. Я должна ухаживать за вами, будто вы – девушка. А вы отказываете мне и так страдаете, что мне страшно смотреть на вас. Говорят, что вы ничем не лучше любого разбойника с большой дороги; вы сами признались, что вы – вор, а я не верю ни одному из обвинителей. Перион де ла Форэ, – сказала Мелицента, и сочинителям баллад никогда не удавалось описать, каким тоном она это произнесла, – я знаю, что если вы и барахтались в бесчестье, то не чаще чем архангел воровал белье с веревки. Я не гадаю! Поскольку пробил мой час, я знаю! И ничто не посмеет теперь встать между нами...

– Нет... и даже будь все так, как вы полагаете без всяких на то оснований, существует, по крайней мере, слабоумный спотыкающийся плут, который все это смеет делать. Он говорит: «Что в этом грязном мире всего дороже и святее?.. Конечно, это благоденствие госпожи Мелиценты. Тогда позволь мне его хранить, потому что мне было доверено множество бесценных вещей – юность, сила, честь, чистая совесть и детская вера и многое другое – и никто из живущих на свете не промотал их так легко, как я. Так что вперед! Доверь мне, мой двойник, мой стыдливый и робкий товарищ, добыть и промотать самую главную драгоценность этого мира». Вот так он хихикает и подталкивает меня, этот мошенник, что делит со мной мои малейшие способности, – самый жалкий и подлый негодяй! В былые времена он умудрялся сводить концы с концами, практикуя такие вещи, какие ваше незапятнанное воображение вряд ли может представить. Пока я не встретил вас, я терпел его. Но вы показали, какое это чудовище. Чудовище! Ходячая куча грязи, которую не примет даже Ад!

Стеная, Перион отвернулся от нее и, рухнув в кресло, закрыл глаза, как будто увидел эту мерзость во плоти.

Девушка опустилась на колени рядом с ним.

– Дорогой мой, мой дорогой! Убей ради меня этого другого Периона Лесного.

На что Перион расхохотался, но смех его был не слишком весел.

– В обычае у женщин посылать мужчин на такие подвиги, которые и сам двужильный царь языческих времен Геракл не смог бы совершить. Несмотря на всю мою внешнюю силу, внутри я слаб. Ловкости и умения других мужчин я не боюсь, поскольку не встречал более грозного врага, нежели я сам. Но тот же самый полночный головорез давным-давно выбил меня из седла. Я довольный собой барахтаюсь в трясине, пока не появились вы... Прелестнейшая на свете, зачем вам было нужно меня тревожить? Я хочу

сегодня стать таким же чистым, как вы; может быть, я таким никогда не стану. Мною владеют дьяволы, я полон всяческих пороков, у меня не хватает силы, а может быть, воли, вырваться из трясины. Я всегда предавал власть как человека, так и бога, чтобы избежать даже минутного неудобства! И сейчас я не могу поклясться, что в итоге не предам и вас! И пусть хохочет Сатана, и пусть его смех исполнен жалости, потому что он да я знаем причины, почему я не обещаю верности кому бы то ни было! Госпожа Мелицента! – воскликнул Перион. – Вы предлагаете мне такой дар, который и император не смог бы принять без благоговейной благодарности. Я отказываюсь от него. – Он нежно поднял ее с колен. – А теперь, ради Бога, уходите, сударыня, и оставьте этого мота вместе с тем, что у него еще осталось.

– Вы очень храбрый, но в то же время очень глупый человек, который предпочитает встречать трудности лицом к лицу. Для любого мужчины это мучительно; для женщины же, которая его любит, просто невыносимо.

Перион не видел ее лица, потому что лежал ничком возле ее ног, рыдая без слез и обильно вкушая такое горе и раскаяние, которые, по его мнению, известны только в Аду. Не сказав ни слова, она ушла, оставив его лежащим на полу.

А затем он еще долго, положив подбородок на ладони, лежал на полу, смотрел на огонь в камине и думал о том, что Перион де ла Форэ когда-то был и другим. И в том юном Перионе Мелицента несомненно нашла бы подходящего супруга, если бы тот Перион давным-давно не умер. Вот какие мысли терзали его. Нет ничего более печального, как размышлять о том, кем ты был и кем уже не являешься. Перион тщательно рассматривал и взвешивал свои прошлые безумства и всякого рода уловки.

Затем он взял перо и чернила. Это было первое письмо, которое он писал Мелицене и которое, как вы вскоре поймете, она никогда не прочтет.

ГЛАВА IV

Как епископ помогал Периону

В три часа в дверь постучали. Перион вышел в неосвещенный коридор и, держась за плащ Айрара де Монтора, прошел вслед за ним сквозь лабиринт многочисленных коридоров и лестниц, выведший их под недружелюбное ночное небо. Две лошади уже стояли наготове. Мужчины вскочили в седла и умчались прочь.

Только раз Перион обернулся, чтобы взглянуть на Бельгард, черный и бесформенный на фоне неба. Больше он не смел оглядываться, поскольку мысль о девушке, которая сейчас лежала не в силах заснуть в Маршальской Башне, острее кинжала пронзала его сердце. Сжав зубы, Перион следовал за своим спутником. Епископ не произносил ни слова, лишь указывал направление движения.

Они достигли Манвиля и, обогнув город, выехали к Фоморской Отмели, узкой песчаной полоске на берегу. Было темно, не раздавалось ни звука, кроме тихого плеска волн. Неподалеку в море лениво покачивались в такт прибою четыре огонька, показывая то место, где стоял на якоре «Траншмер». Периону все это, похоже, было безразлично.

– Скоро рассвет, – сказал Перион.

– Да, – ответил Айрар де Монтор.

И его голос выказал явное нежелание продолжать разговор. Перион де ла Форэ представлял собой нечто грязное, с чем епископ мог иметь дело только в силу необходимости и с тем отвращением, с которым страдающий от жажды вытаскивает муху из воды. Перион допускал это, потому что ему было уже все равно.

Привязав лошадей, они уселись на песок и полчаса провели в полной тишине.

Где-то прокричала птица. Перион осознал вдруг что ночь уже не была так мрачна, как прежде, ибо он уже видел изломанную линию пены, которую прилив то бросал на берег, то откатывал далеко в море.

Через некоторое время какой-то огонек опустился на поверхность воды и, покачиваясь в темноте,

стал, в отличие от других, по мере приближения становиться все ярче.

Они спустили шлюпку, – проговорил Перион.

– Да, – односложно, как и прежде, ответил епископ.

Какое-то сумасшествие вдруг охватило Периона, и казалось, что он вот-вот заплачет, поскольку все так дурно складывалось в этом мире.

– Мессир де Монтор, вы помогли мне. Я очень признателен, если, конечно, моя благодарность что-то значит для вас.

Епископ заговорил хриплым невнятным голосом.

– Благодарность, насколько понимаю, не входит в условия сделки. Я родственник госпожи Мелиценты. И в моих интересах, и в интересах нашего дома, чтобы человек, которого она посещает ночью, покинул пределы Пуактесма...

– И вы говорите так о самой прекрасной женщине, какую когда-либо создавал Бог! Женщине, которой должен поклоняться весь мир!

– Поклоняться! – смеясь ответил епископ. – Я был бы большим глупцом, если б поклонялся признанной распутнице!

И он начал глумиться над Мелицентой, употребляя такие выражения, которые лучше не повторять. Перион не стерпел и сказал:

– Я самый несчастный из всех живущих на свете, так же как вы наиподлейший из них. В моем присутствии вы позволяете себе хулить госпожу Мелиценту, зная, что я у вас в долгу и у меня нет права возмущаться вашими речами. Вы устроили мой побег и тем самым подарили мне жизнь; и, используя свое преимущество, вы поносите ангела и наносите удары человеку, связанному по рукам и ногам...

В это мгновение у Периона в голове вдруг промелькнула мысль о том, как достойно выбраться из такого запутанного положения.

– Обнажите шпагу, мессир! В самую последнюю минуту я, возможно, если есть Бог, смогу еще вернуть себе право вас убить.

– Ого! Странное проявление благодарности! – ответил епископ. – И хотя я не особенно разборчив, но вот что я тебе скажу, мой друг: я не сражаюсь с лакеями.

– Да вы, мессир, этого и не достойны. Поверьте, не существует ни лакея, ни вора, ни сводника, который смог бы встретиться с вами на равных, не унизив себя. Ибо вы самый большой в мире клеветник; но, мессир де Монтор, у лжи короткие ноги! И я думаю, что менее чем за час превращу эту клевету в пустой звук.

– Негодяй, я подарил тебе жизнь...

– Бесспорно. Но я должен швырнуть этот подарок обратно, чтобы мы, два жалких негодяя, смогли встретиться на равных. – Тут Перион устремился к шлюпке, которой уже можно было достичь вброд. – Кто здесь? Госельм, Роже, Жан Бритауз... – наконец, он увидел того, кого искал. – Агасфер! Вожак, который должен был повести Вольных Соратников за море, изменил свои намерения. Я передаю свои полномочия Ландри де Боннею. Будь добр, сообщи ему о непредвиденных изменениях и передай новому капитану соответствующие сожаления и поздравления от имени Периона де ла Форэ.

После чего Перион направился к берегу, где, пока еще в неверном свете, стали видны очертания холмов.

– Мессир де Монтор, мы можем продолжить наши Деяния. Когда судно отплывет, ничто не сможет продлить мою жизнь еще хотя бы на две недели. Я выплачу вам все долги. Вы будете сражаться с человеком, если вам угодно, уже мертвым, но с другой

стороны, если вы попытаетесь улизнуть, если вы не захотите скрестить шпаги с лакеем, вором и убийцей клянусь честью моей матери, я уничтожу вас без раскаяния, как уничтожил бы гадину...

– Как смело! – усмехнулся епископ. – Лишить жизни себя или, возможно, меня и все из-за одного глупого слова... – сказал епископ, и вдруг в его голосе послышалось рыдание. – Как глупо и как похоже на вас!

Перион удивился, как изменился голос прелата.

– Постойте, господа, – закричал Айрар де Монтор, – подождите, пожалуйста, одну минуту!

Он вбежал в ледяную воду и направился к шлюпке. Он вырвал фонарь из рук Жида и понес его к берегу. Он держал фонарь высоко над водой, так что Перион мог видеть его лицо, и Перион вдруг понял, что каким-то чудом человек в мужском одеянии с фонарем в руке оказался Мелицентой. И странно, что на всю жизнь ему отчетливее всего запомнилась трепещущая на ветру прядь ее волос.

– Посмотри на меня хорошенько, Перион! – сказала Мелицента, – посмотри как следует, никчемный ты человек! Посмотри, загнанный бродяга, и увидишь, как я горда. Я очень горда! Я не сильно восхищаюсь своим высоким положением, своим богатством и даже своей красотой, потому что я знаю, что красива, но самое главное мое достоинство, что ты любишь меня... к тому же, так безрассудно!

– Ты не понимаешь!.. – воскликнул Перион.

– Наконец-то я очень хорошо поняла, что ты и в самом деле лакей, самозванец и вор. Да, лакей своей чести! Самозванец, который пытался – увы, тщетно! – воплотить чужую подлость! Вор, который украл чужое наказание! Я не задаю вопросов. Любить – значит доверять. Но я хотела бы медленно-медленно убить этого другого. Я не задаю вопросов. Я отваживаюсь доверять человеку, которого я знаю, даже если это звучит как вызов. Я осмеливаюсь возразить, что он не вор, а безумно честный человек. Мой бедный, путавшийся мальчик, – проговорила с умиротворяющей нежностью Мелицента, – как же так вышло, что ты забрел в наш грязный мир!

Он ничего не ответил, но уже никак не от безмерного страдания.

– Подойди, подойди же сюда. Разве ты не поможешь мне залезть в шлюпку? – спросила Мелицента. Она тоже была счастлива.

ГЛАВА V

Как обручилась Мелицента

– Не может быть, кузина.

Слова эти были произнесены настоящим епископом Монтерским. Он с пятнадцатью приближенными внезапно появился на берегу как раз в тот момент, когда взгляды Мелиценты и Периона были обращены в сторону моря. Епископ, как обычно, был одет в платье придворного кавалера, и ни одна деталь не выдавала его истинный духовный сан. Он долгое время оставался в седле, глядя на влюбленных, улыбаясь и похлопывая расшитой золотом перчаткой по луке седла. Рассветало.

– Я кое-что услышал, – сказал он. Голос его был ласков, ибо молодой человек с большой любовью относился к своей родственнице, но любовь эта все же уступала той, какую он испытывал к Айрару де Монтору. – Да, я кое-что услышал, но в этот миг я, как мне кажется, увидел сердца всех женщин, когда-либо живших на свете; и они отличаются друг от друга не больше, чем звезды на ночном августовском небе. Ни одна женщина не любила мужчину как мужчину. Ее любовь – любовь матери к своему ребенку. Пусть он создает государство, или пишет бессмертные стихи, или разбойничает на большой дороге, она лишь улыбнется, заметив, как самозабвенно играет мальчик в свои игры; и когда он возвратится с перепачканными руками, она лишь пожалеет его, а если потребуется, притворится сердитой. Она быстренько постирает его одежду и залечит ссадины. Женщины мудрее нас, и в глубине души они жалеют нас тем больше, чем мы сильнее, самоувереннее, чем более хвастаемся своим умом, что только лишь доказывает его нехватку. И благодаря своей непоколебимой вере в то, что мы лучше, чем есть на самом деле, женщины заставляют нас становиться лучше.

Айрар де Монтор спешил.

– Однако хватит проповедей! Что же касается остального, Мессир де ла Форэ, я узнал вас в тот же день, как только вы появились в Бельгарде. Но я промолчал. Поскольку вы не убивали короля Гельмаса, как утверждает молва. Я твердо знаю, что он спит в безопасности в Акаире. Но госпожа Мелюзина напустила чары на весь двор отца и волшебством перенесла его замок. Это похоже на нее. Если Мелюзину рассердить, она становится беспощадна. Да-да, ужасная, прелестная женщина, рожденная, как говорят, русалкой! Она мой близкий и полезный мне друг. С ее помощью я надеюсь далеко пойти. Вы видите, я откровенен. Такова моя природа, – епископ пожал плечами. – Одним словом, я принял виконта де Пизанжа, но, естественно, тайно следил, как вы теперь видите, за вашими перемещениями. И до сих пор обман лишь забавлял меня. Но это, – он указал рукой в сторону «Траншмера», – мои любезные друзья, уже не шуточки.

– Вы все говорите и говорите, – вскричал Перион, – а я размышляю о том, что люблю самую благородную даму, которая когда-либо только жила на свете.

– Доказательство вашей любви, – ответил епископ, – если позволите высказать мое наблюдение, весьма необычно. Поскольку вы предполагаете, как я думаю, сделать из нее походную жену, сестру полка. Ведь мы с вами, мессир, хорошо знакомы с войной. Армии при встрече не забрасывают друг друга сластями. Какой дом вы, бездомный человек, можете предложить Мелиценте? Разве есть место для Мелиценты среди ваших Вольных Соратников?

– Не знаю...

Перион повернулся к Мелиценте, и они долго-предолго смотрели друг на друга.

– Хотя я и подлец, но я никогда не собирался свергнуть женщину в ту трясины и грязь, которые на некоторое время станут моим уделом. Я отправляюсь один. Ты хочешь, чтобы я вернулся?

Девушка была совершенно спокойна. Она сняла с руки бриллиантовое кольцо и надела ему на мизинец, поскольку остальные пальцы были для него слишком велики.

– Я даю обет до конца жизни быть тебе верной и ждать тебя, Перион. Нет нужды говорить о любви.

– Нет нужды... – ответил он. – О Господи, смогу ли я выжить без тебя!

– Я думаю, что меня отдадут замуж за короля Теодорета. Ужасный старик потребовал единственную плату за то, что он не тронет Пуактесм, – мое тело. К тому же на поле брани он сильнее Эммерика. Эммерик боится его, а Айрару нужна королевская дружба, чтобы стать кардиналом. Вот так родственники торгуют моими глазами, губами и волосами. Но сначала я хочу обручиться с тобой, Перион, здесь, перед лицом Бога. Я прошу тебя вернуться ко мне, потому что я навсегда твоя жена.

– Я вернусь, – ответил он.

Через некоторое время их губы разъединились.

– Закрой мое лицо, Айрар. Возможно, я заплачу. Люди не должны видеть жену Периона плачущей. Закрой мое лицо, так как он уходит, а я не могу этого видеть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЛИЦЕНТА

*Так Мелиценду привела любовь
в край варваров, где холодела кровь
При взгляде на правителя его,
который не боялся никого.
Тиран Деметрий сразу возжелал
Несчастную и в свой гарем забрал.
Так средь язычников она жила,
И смерть близка, как никогда, была.*

ГЛАВА VI

Как Мелицента попала за море

В Пуактесме рассказывают историю, повествующую о том, как началась любовь между Перионом Лесным, вожакom наемников, и юной Мелицентой, дочерью великого Дона Мануэля и сестрой графа Эммерика Пуактесмского. Рассказывают также о том, как расстались Мелицента и Перион, потому что не оставалось другого выхода, и о том, что ради благополучия Пуактесма Мелицента должна была выйти замуж за короля Теодорета.

И история рассказывает о том, как отплыл Перион со своими приверженцами, чтобы служить разоренному греческому кайзеру.

Но предприятие потерпело неудачу уже тогда, когда судно с Вольными Соратниками проходило недалеко от Массилии и попало в штиль. Здесь-то и напали на него три галеры с язычниками, под предводительством наместника Деметрия. Воины Периона, привыкшие сражаться на суше, в море были новичками и потому оказались бессильными перед противником, который со значительного расстояния обрушил на их судно поток жидкого огня.

Затем Деметрий послал шлюпки и снял с пылающего корабля около тридцати пленников. Он всех их сделал рабами, кроме Жида Агасфера, так как узнал, что сей человек поклоняется другому богу. Ведь все знают, как хвалился Деметрий, что воюет только с христианами.

И Агасфер по приказу Периона немедленно отправился к Мелиценте. Принцесса восседала в высоком кресле, спинка которого была украшена большой медной головой льва. Она блестела над головой принцессы, но блеск ее волос был намного сильнее.

Агасфер хладнокровно сообщил о случившемся.

— Я довожу до вашего сведения печальные известия о Вере, Любви, Смерти и прочем. Повторяя их, я служу лишь эхом Периона. А может ли быть эхо безумным? Этот безумец был моим любимым и уважаемым господином, которому не найти равных на полях сражений. Сегодня же его мощные мышцы, которые поддерживали трон, используются для переноски тяжестей. Это смешно. Но я не смеюсь.

— У меня тоже нет времени для плача, — сказала Мелицента.

Когда Жид ушел, юная Мелицента поднялась и направилась в зал, украшенный панно, изображающим историю любви Ясона и Медеи. В этом зале граф Эммерик хранил драгоценности, которым не было равных во всем христианском мире.

Она не колебалась ни секунды. Она не думала ни о своей матери Ниафер, ни о своих сестрах Эттарре

и Доротее, которые также своей красотой воспламеняли желание в сердцах мужчин. Мелицента знала только, что Перион в плену и никто ему, кроме нее, не в силах помочь.

Она завязала в голубую салфетку такие изумруды, которые могли бы послужить выкупом и для самого Папы Римского. Она коротко обрезала свои прекрасные волосы, оделась в мужское платье и под покровом ночи выскользнула из замка. В Манвиле она нашла венецианское судно, которое отплывало на родину с грузом вооружения и доспехов.

Она нанялась слугой к капитану судна, назвавшись Жоселеном Геньяром. У нее не было времени бояться или сожалеть о том, от каких благ она отказывается, пока Перион находился в опасности.

Вот так юный Жоселен, хотя и не без трудностей и некоторых приключений, о которых здесь рассказывать не к месту, достиг страны палящего солнца и порока, где томился Перион.

ГЛАВА VII

Как был освобожден Перион

Здесь Мелицента узнала, в каких условиях содержится Перион, и, заплатив большую сумму денег, она смогла, при этом безмерно страдая, увидеть, как Перион проходит через двор Накумеры с цепью на ногах, неся на кухню огромную вязанку дров. Это произошло, когда Жоселен добрался до горной страны, где вход в долину охраняло расположенное на высоком утесе «орлиное гнездо» Деметрия.

Юный Жоселен попросил аудиенции у этого языческого правителя и получил ее, хотя и с какой-то зловещей легкостью.

Деметрий возлежал на диване во Дворе Звезд, который нужно было миновать, чтобы попасть в Сад Женщин и в роскошную тюрьму, где он содержал своих жен. Двор представлял собой правильный круг, в шахматном порядке выложенный красными и желтыми плитами. В центре высоко в небо выбрасывал струю воды фонтан. Двор окружала галерея, алые колонны которой были инкрустированы фантастическими позолоченными узорами. Стены же были цвета красного вина, и на них через равные промежутки располагались золотые пятилистники. Издалека они напоминали звезды и, таким образом, дали название этому помещению.

Деметрий возлежал на длинном диване, покрытом малиновой тканью, и диван этот, не считая двух проходов, полностью окружал Двор. Деметрий, этот большой и сильный человек, до безумия обожал самого себя; он был чуть выше среднего роста и обладал необычайно мощной грудью и широкими плечами. По слухам, он насквозь протыкал яблоко указательным пальцем, а однажды ударом кулака убил норовистую лошадь. У него были большие и дерзкие глаза, цвета оникса, но в общем это был довольно приятный на вид человек, лицо которого портили лишь угри.

Он не произнес ни слова, пока Жоселен Геньяр объяснял, что хочет выкупить Периона.

– И в какую цену ты оцениваешь этого Периона? – наконец без всякого интереса спросил Деметрий.

Жоселен, расписывая их достоинства, показал семь изумрудов.

– Они довольно хороши, – согласился Деметрий. – Но у меня с избытком таких камней.

Он приподнялся на подушках, и при этом движении шитая золотом одежда его засверкала, как чешуя диковинного чудовища. Он лениво снял с головы повязку, которую украшал огромный, с куриное яйцо, хризоберилл.

– Взгляни, своим зеленым цветом он куда более прекрасен, чем любая из твоих безделушек. Я думаю, что он ценен еще и своим огромным размером. Более того, он краснеет при вечернем освещении – становится красным, как кровь. Это замечательный цвет. И однако я не знаю, сколько он стоит. Для меня вообще не существует стоимости чего-либо. Хочешь, я подарю тебе эту цветастую гальку, если конечно, она тебе нравится, потому что твое невежество изумляет меня. Большинство людей знают, что Деметрий не торговец. Он не покупает и не продает. То, что у него есть, он хранит; чего у него нет, он берет.

Юноша, казалось, представлял собой воплощенное отчаяние. Он молчал. Он выглядел очень

привлекательно, выделяясь своей мертвенной бледностью среди красных и золотистых тонов, которые царили в этом помещении.

– Так ты не оценил мой несчастный камень? Ты ценишь своего друга выше? Это цитата из Феокрита: «Когда жили в старые времена могучие герои, когда друзья отдавали любовь за любовь». И однако я мог бы поклясться... Давай заключим пари. Покажи, что твое презрение к этой безделушке так же велико, как и мое, и брось этот сверкающий камень в галерею, чтобы первый прохожий мог забрать его. И я оценю твою искренность. Сделай это, и я даже назову цену за Периона.

Переодетая девушка повиновалась без промедления. Повернувшись, она заметила жуткую перемену в пристальном взгляде Деметрия и вздрогнула под этим взглядом. Но через мгновение в глазах Деметрия огонь страсти погас.

Он вежливо сказал:

– Сделка есть сделка. Мои жены прекрасны, но сейчас их ласки мне так же надоели, как прежде они меня радовали. Я долго размышлял и понял, что только одно утешит меня: если возьму в жены христианку, женщину с глазами, словно фиалки, волосами подобными золоту и нежным белым телом. Мужчина быстро устает от черного дерева и янтаря... Добудь мне такую жену, и я с удовольствием освобожу Периона и его товарищей, которые еще живы.

– Но, милостивый государь, – юный Жоселен Геньяр был потрясен, – вы требуете от меня невозможного!

– А мне думается, что вовсе нет. И причина в том, что мужчина бросает камни согнутой рукой, а женщина – прямой.

Воцарилась тишина. Наконец Деметрий ее нарушил.

– Послушай, я веду дела честно. Если бы такая женщина находилась здесь – в гостях у Деметрия Анатолийского, – я ни в коем случае не помешал бы ей покинуть мой дворец, хотя мог бы сделать это с легкостью. Неподалеку от меня есть особа, которая считает необходимым противостоять мне. Если бы эту женщину можно было купить, я мог бы предложить свою цену. А если бы она отказалась от сделки, все равно я не помешал бы ей уйти. Но, вполне возможно, я подверг бы Периона пытке водой. Так забавно видеть человека, который сходит с ума на твоих глазах. Я думаю, что от смеха я смог бы совершенно забыть об этой женщине.

Она же лишь прошептала:

– Господи, молю тебя о справедливости!

– Милая девушка, в Накумере только желания Деметрия являются справедливыми. Но мы попусту тратим время. Ты желаешь купить одну из вещей, принадлежащих мне? Пусть будет так. Слушаю твое предложение.

Пальцы ее рук сплелись, а затем руки упали вниз, будто лишенные жизни. Она удрученно ответила:

– Милостивый государь, я предлагаю Мелиценту, которая была принцессой. Моя цена – алые губы, ясные глаза и прекрасное, нежное тело без единого изъяна. Моя цена – юность, счастье и честь. Все это вы можете иметь в качестве игрушек – все, чем я обладаю, кроме моего сердца, которое умирает на ваших глазах.

– Ты говоришь правду? – спросил Деметрий.

– Это так же верно, как то, что есть Любовь и Смерть. Я не знаю ничего более истинного, чем они, и я молю Бога, чтобы он подтвердил эту истину, – ответила она.

Он, посмеиваясь, сказал:

– Пошлость на ворогу не виснет.

На следующий день цепи спали с Периона де ла Форэ и его товарищей, кроме тех девяти, которых месяцем раньше Деметрий заставил сражаться со львами, когда развлекал Бахарийского султана. Освобожденных искупали, умастили благовониями и одели в богатые одежды.

Галера из флота наместника доставила их до границ христианского мира и высадила две дюжины бывших рабов недалеко от Мегариды. Капитан галеры при расставании вручил Периону голубую салфетку, в которую были завязаны большие изумруды и кусок пергамента, на котором было написано:

Перион стоял возле притихшего моря, которое отделяло его от Мелиценты, и кричал:

– Господи! Ты позволил совершить эту страшную сделку. Тогда давай, торгуйся со мной, Отец всего живущего! Я отдам все, что есть у человека.

Вот так он стоял в чистом солнечном свете, и лицо его было неподвижно, будто у изваяния. Обе руки он протянул к голубому небу, как будто давал клятву. Если так, то он не нарушил ее.

И все. Больше ни слова о Перионе.

В это самое время юная Мелицента, завернутая в покрывало цвета пламени и увенчанная майораном, была приведена нарядным юным слугой к порогу, через который ее перенес Деметрий. И тут же раздалась песнь, исполняемая на чужом языке. А потом Мелицента выплатила выкуп.

А хор пел:

– Гименей, о Гименей! Ты, обладающая множеством имен и множеством храмов, золотая Афродита, будь благосклонна к новобрачным! Пусть тот, кто сперва сосчитает на небе количество звезд и всех кузнечиков в траве, сочтет те удовольствия, что вызовет свадьба сия. Гименей, о Гименей! Радуйся свадьбе сей!

ГЛАВА VIII

Как забавлялся Деметрий

Мелицента жила во дворце Деметрия, которого она не видела с того утра, когда потеряла свою девственность. Прошел месяц. Она все еще не могла усвоить язык людей, среди которых пребывала, но евнух Галаон, когда-то служивший у кардинала в Тоскани, сообщил ей, что наместник находится в Западных провинциях, в которые вторглись войска под предводительством Ранульфа де Мескинэ.

Прошел месяц. Она проснулась как-то ночью, так как увидела во сне Периона (какие сны еще могла она видеть?), и вдруг заметила рядом с постелью того самого Агасфера, который когда-то принес ей известие о пленении Периона.

Он, казалось, был охвачен каким-то весельем. Но речь его была вполне благоразумна.

– Благороднейший из живущих желает вас видеть, сударыня, – мягко сказал он.

Пораженная столь наглым предательством, она воскликнула:

– Ты заранее все обдумал!

– Я всегда все обдумываю заранее. Я плету сети, как паук... А между тем течет время. Как и вы, я сейчас служу Деметрию. Я его посредник в Калонаке. Я покупаю и продаю. Я оцениваю. Я зарабатываю на жизнь. Кто это запретит? – Жид тут пожал плечами. – Итак, Благороднейший из живущих желает вас видеть, сударыня.

Он, казалось, испытывал наслаждение от этого напыщенного оборота, когда с ухмылкой говорил об их общем хозяине.

Мелицента в свободном зеленом платье из коанской материи, излучающей сияние, подобное сиянию меди, следовала за тощим улыбающимся Агасфером. Она босая появилась во Дворе Звезд, где наместник возлежал на диване, как будто и не сходил с него с того самого раза, когда она впервые его увидела.

Сегодня был он одет во все алое, и варварские серьги свисали с мочек его ушей. Они слегка блеснули, когда он движением головы велел Агасферу покинуть Двор Звезд.

Настоящие звезды уже зажглись в это время на небе – такие яркие и такие близкие, что струя фонтана серебрилась от их блеска. Взошла луна. Рядом с тем местом, где лежал Деметрий, на уровне человеческого

роста горела лампа.

– Встань поближе к свету, моя жена, – сказал наместник, – чтобы я мог ясно увидеть свое новое приобретение.

Она повиновалась. Какой бы нестерпимой ни была ее жертва, она давала возможность Периону служить Всевышнему и его любви к ней, совершая доблестные и достойные похвалы деяния, и потому она не могла быть причиной печали.

– Я размышляю вместе с теми стариками, что восседали на стенах Трои, – голос его слегка дрогнул и, чтобы скрыть это, он рассмеялся. – Между тем, я вернулся, распяв сотню твоих почитателей, – продолжил Деметрий, и голос его был на удивление нежен. – Да, я победил под Ирогой. Это была добрая битва. Под конец копыта моего коня были красны от крови. Мои выжившие враги, по-моему, были до прискорбия глупы, когда решили сдаться, потому что умереть в битве гораздо менее болезненно. Был там один монах-францисканец, который висел часов шесть на пальме, вертя головой из стороны в сторону. Кровь, которая медленно капала с его ладоней, сверкала, как рубины.

Она ничего не ответила. Деметрий же лениво продолжал:

– И я с интересом подумал, что бы я почувствовал, если бы ты оказалась на его месте... Твоя белая кожа подобна лепесткам цветка. Полагаю, она очень непрочна. Думаю, ты бы долго не вытерпела.

– Молю Бога, чтобы не выдержала! – ответила натянутая как струна Мелицента.

Он получил настоящее удовольствие, что заставил это прекрасное существо издать такой мучительный крик боли. Он привлек ее к себе и положил руку на ее обнаженную грудь.

– Ты не боишься. Как бы то ни было, ты очень красива. Я думаю, что ты еще больше порадуешь меня, когда отрастут твои золотистые волосы. Нет ничего в мире более прекрасного, чем золотистые волосы. Их красота выдерживает даже похвалу поэтов.

У этой белокожей женщины не было сил пошевелиться, но, определенно, не было заметно никакого страха. Ее одеяние при свете лампы сияло, словно опал; ее тело, только частично прикрытое, манило к себе, вся она была необыкновенно соблазнительна. Ее широко открытые глаза напоминали глаза пойманного животного, умоляющего о пощаде, на которую, в действительности, нечего и надеяться. Вот так Мелицента стояла в чистом свете лампы, и лицо ее было неподвижно, будто у извояния.

В сердце мужчины проснулось некое понимание сути ее любви к Периону, этой высокой и отстраненной страсти, превращающей желание Деметрия Анатолийского лишь в некое неудобство и ни во что более. Но будущее манило. Наместник довольно рассмеялся, и зазвенело золото у него в ушах.

– Решительно, ты доставишь мне много удовольствия и веселья. Иди в свою комнату! Я думал, что в мире уже не с чем бороться и нечем поразвлечься, но, оказалось, что все это предоставит мне дочь знаменитого дона Мануэля, который нынче, в свою очередь, доставляет на том свете развлечение, правда, другого рода, моему знаменитому отцу Мирамону Ллуагору. Так что возвращайся к себе!

ГЛАВА IX

Как бежало время в краю язычников

На следующий день Мелиценту перевели в более роскошные покои. Это был высокий и просторный павильон с тремя портиками из мрамора, украшенными резным тиковым деревом и андалузской медью. Комнаты были устланы златоткаными коврами, стены обиты гобеленами и парчой, с вышитыми на них зверями и птицами, очень естественных расцветок. Таково было сейчас жилище Мелиценты, но не было в нем только счастья. Множество рабов прислуживало ей, и она не испытывала недостатка ни в роскоши, ни в богатстве. Таким образом, по мнению всех живущих в Накумере, она стала самой любимой женой наместника.

Надо также отметить, что с тех пор Деметрий даже не прикасался к ней.

– Я купил твое тело, – гордо говорил он, – ты моя собственность. Меня не интересует то, что можно

купить.

Возможно, этот человек никогда не был в своем уме. Не подлежит сомнению, что главной причиной его даже малейшего поступка служила непомерная гордыня. Здесь же он наткнулся на нечто такое, что делало Деметрия Анатолийского лишь временным неудобством и приравнивало его крайние беззакония к жужжанию мухи. И осознание этого воздействовало на Деметрия подобно яду. Мольба или насилие были, по его мнению, его недостойны. «Давай запасемся терпением!» – говорил он себе. Это не так легко было сказать и тем более выполнить, поскольку эта бестолковая красавица посмела разбудить такую страсть, о какой и понятия не имел Деметрий и на какую (насколько он знал себя) он был неспособен.

Как знаток страстей, он бурно возмущался своим унижением и топил Мелиценту в роскоши, уверяя себя, что сердца всех женщин одинаковы.

Его помощниками являлись его теоретические размышления, хитрость и, самое главное, осознание ее красоты. У нее же были воспоминания и чистое сердце. Вот таким образом вооруженные, они и вели свой поединок.

Тем временем другие его жены, подглядывающие за ними из своих спален, люто возненавидели Мелиценту. Не менее трех раз Каллистион, первая жена наместника и мать их старшего сына, покушалась на жизнь Мелиценты, и трижды Деметрий пощадил эту женщину, благодаря заступничеству Мелиценты. Так как Мелицента понимала, поскольку сама любила Периона, что именно любовь к Деметрию, а не ненависть к ней доводила эту озлобившуюся дакианку до крайностей.

Однажды в полдень Деметрий без предупреждения появился в роскошной тюрьме Мелиценты. Он, широко шагая и блистая своим нарядом, миновал проход между раскрашенных колонн и стремительно подошел к ней. Его одежда и в тот день была алого цвета – его он предпочитал всем другим. Золото сияло у него на лбу, золото звенело в ушах, а на шее висела тяжелая золотая цепь с рубинами. На боку красовался меч с крестообразной рукоятью в ножнах из голубой кожи, украшенной затейливым орнаментом.

– Благодарю себя, что ты прекрасна, моя жена, – сказал Деметрий. – Благодарю свою красоту! Красота всегда прищипывала доблесть.

Затем быстро и весело он рассказал о том, как флот, снаряженный Кипрским королем, вторгся во владения Деметрия и что в рядах противника находятся Перион Лесной со своими Вольными Соратниками.

– Да, да. Вернулся мой грузчик! Я немедленно скачу на побережье, чтобы встретить его с должным радушием. И молю небеса, чтобы моим противником оказался не слабак или бездарь.

Мелицента гордо ответила:

– Против тебя выйдет известный герой, благородный и умелый воин, знаменитый своим искусством владеть мечом. Никогда не существовало человека с большей охотой ломающего копья и разносящего вдребезги щиты, чем Перион. И не было человека более сострадательного к беспомощным и более беспощадного к трусам и предателям.

Деметрий сухо ответил:

– Я не спорю, что достоинства моего грузчика несметны. Не будем их перечислять. Недавно Агасфер рассказал мне, что, прежде чем ты пришла ко мне со своими ничтожными изумрудами, жизнь Периона находилась в твоих руках? – Деметрий снял с пояса меч, взял руку Мелиценты и положил ее на ножны. – Что у тебя в руках, моя жена? Смерть Периона. В противоположность тебе, я краток.

Она ничего не ответила. Ее мнимое равнодушие рассердило его. Он выхватил меч из ножен с такой яростью, что Мелицента отпрянула. Он показал лезвие меча, сплошь покрытого выгравированными знаками, которые она не смогла понять.

– Это Фламберж, – сказал наместник, – оружие, которое являлось гордостью и проклятием моего отца, Мирамона Ллуагора, потому что этот меч выковал Галас, еще в старые добрые времена, для непобедимого Шарлеманя. Ученые люди говорят, что это заколдованное оружие и тот, кто владеет им, непобедим. Не знаю. В волшебство, по-моему, поверить так же трудно, как удостовериться в том, что все окружающее нас не является чарами какого-нибудь пьяного дьявола... Однако, как мне помнится, именно

этим мечом я убил одного довольно могущественного волшебника, и я весьма уверен, что именно этим мечом я убью Периона.

Мелицента долго терпела, но тут не выдержала:

– Мне кажется, вы говорите глупости, милостивый государь. С другой стороны, вы сами заявляете, что Перион лучше вас владеет мечом, поскольку вам для поединка с ним требуется помощь волшебства.

– Так-так, – сквозь зубы процедил Деметрий. – Значит ты думаешь, что я не ровня этому длинноногому парню! Ты бы подумала по-другому, если б он был здесь. Ты будешь думать по-другому, когда я убью его голыми руками. О, очень скоро ты будешь думать совсем по-другому.

Он почти что рычал, его душил гнев. Он бросил меч к ее ногам и, не простившись, удалился. Отъехав лье на три от Накумеры, он вдруг расхохотался. Он понял, что Мелицента, по крайней мере, верила в волшебство и, просто играя на его тщеславии, одурачила его, лишив Фламбержа. Ее находчивость порадовала его.

Но Деметрий уже не смеялся, когда узнал, что флот христиан потерпел позорное поражение в открытом море от эмира Арсуфа и не смог осуществить высадку на берегу. Деметрий затеял ссору с победоносным флотоводцем и убил расстроившего его планы эмира на дуэли, но это не принесло ему облегчения.

«В любом случае, – уверял себя наместник, – если моя жена говорит правду относительно характера Периона, Перион несомненно сюда вернется».

Затем Деметрий направился в священную рощу, что находилась на холме к югу от Квезитона, и поднес ветви мирта, листья роз и ладан Афродите Колиадской.

ГЛАВА X

Как ухаживал Деметрий

Агасфер появлялся, когда хотел. Ничего определенного об этом сладкоречивом человеке не было известно. Возможно, о нем что-то знал наместник, но он никому не доверял никаких тайн. Согласно его указу, Агасфер в Накумере являлся почетным гостем. А глаза еврея, когда Мелицента была рядом, всегда оставались такими же невыразительными, как глаза змеи.

Однажды она сказала Деметрию, что боится Агасфера.

– Но я-то не боюсь его, Мелицента, хотя у меня для этого гораздо больше оснований. Так как я один из всех живущих на свете знаю правду об этом еврее. Тем более, меня забавляет мысль, что он, служивший моему отцу-чародею совсем иным образом, состоит у меня счетоводом и колдует над конторскими книгами.

Деметрий рассмеялся и вызвал Агасфера. В это время они находились в Саду Женщин, в маленькой беседке, резные каменные стены которой были покрыты червонным золотом, а увенчивал ее белоснежный купол. Пол был сделан из прозрачного стекла, сквозь которое была видна вода, а в ней плавали красно-желтые рыбы.

– Выходит, ты опасная личность, Агасфер. Моя жена боится тебя, – сказал Деметрий.

– Благороднейший из живущих, – спокойно ответил Агасфер, – хорошо известно, что у женщин волос долог, да ум короток. Нет необходимости бояться какого-то еврея. Ведь для чего создан еврей? Чтобы дети могли развлекаться, бросая в него камни. Чтобы самые честные могли показать свой здравый смысл, грабя его. Чтобы верующие могли подтвердить свою набожность, сжигая его. Кто это запретит?

– Но моя жена – христианка, вследствие чего поклоняется еврею, – в глазах Деметрия заиграл огонек. – Как ты относишься к тому еврею, Агасфер?

– Я знаю... лишь... что Он был Мессией.

– И однако ты не поклоняешься Ему.

– Он не требовал поклонения. Он просил, чтобы люди любили Его. Но лично меня Он не просил о любви, – ответил Жид.

– По-моему, ты выражаешься весьма туманно, – заметил Деметрий.

– Но это правда, царь царей. Придет время и все станет ясно, но пока это время еще не наступило. Я раньше молился, чтобы оно скорее пришло, а сейчас уже не молюсь: я только жду.

Деметрий оперся рукой о подбородок и прищурил глаза. Некоторое время он о чем-то размышлял, а потом рассмеялся.

– Это не мое дело. Кто я такой, чтобы думать о делах, касающихся мироздания. Возможно, существуют разные боги, но я не настолько тщеславен, чтобы вообразить, что кого-либо из богов интересует мое мнение о нем. В любом случае, я – Деметрий. И пусть придет конец всего, и пусть я окажусь в мрачном потустороннем мире, но я и там постараюсь устроиться так, чтобы не уронить достоинство Деметрия. – Тут наместник пожал плечами. – Ты не развлекай меня, Агасфер. Можешь идти.

– Слушаюсь и повинуюсь, – ответил еврей и покинул их.

Деметрий повернулся к Мелиценте и еще раз порадовался тому, что у его движимого имущества золотистые волосы и вообще нельзя ее сравнить ни с одной женщиной, которых он знал до сих пор. Деметрий сказал:

– Я люблю тебя, Мелицента, а ты меня не любишь. Не обижайся. Моя речь груба, но хотя моя искренность и не нравится тебе, я должен высказать всю правду. Ты слишком долго упрячилась, отказываясь дать Киприде то, что положено. Думаю, у тебя закружилась голова из-за лишнего восхищения своим великолепным телом и множества мужчин, которые во вред себе хотели бы им обладать. Я признаю твою красоту, но какое она будет иметь значение через сотню лет?..

– Да, я допускаю, что повторяю избитые истины. Но давай посмотрим на это с другой стороны, более мрачной стороны, потому что через сто лет вся эта красота, которая заставляет меня увидеть в жизни светлые стороны, превратится в тлен. Твои сияющие глаза, которые настолько восхитительны, что это даже трудно описать, превратятся в неприглядные дыры, и только червь станет их украшением. И какое это будет иметь значение через сотню лет?..

– Через сотню лет никто не скажет, что Мелицента более прекрасна, чем Деметрий. Один череп похож на другой, и оба легко рассыпаются под плугом земледельца. Ты будешь такой же безобразной, как я, никто не будет думать о твоих глазах и волосах. Град, дождь и роса будут падать на нас обоих без разбора, поскольку я прикажу, чтобы нас похоронили рядом, и через сто лет и еще через сто. Не нужно хмуриться, ибо какое это будет иметь значение через сотню лет?..

– Мелицента, я предлагаю тебе любовь и жизнь, которая насмехается над глупостью обычной жизни. Независимо от того, подпустишь ты меня к себе или оттолкнешь, какое это будет иметь значение через сотню лет?

Лицо его исказилось, речь его была полна горечи, потому что хоть он и издевался над этой бестолковой женщиной, безрассудная страсть все более овладевала им.

– Не может быть и разговора о любви между нами, милостивый государь, – ответила Мелицента. – Вы купили мое тело. Мое тело в вашем распоряжении, если так угодно Всевышнему.

Деметрий усмехнулся, его пыл охладел.

– Я уже говорил, девочка моя, что меня не интересует то, что можно купить.

Вот так жила Мелицента среди этих ненавистных ей людей и была подобно лилии, вдруг расцветшей на болоте. Она всегда была пленницей, а когда Деметрий появлялся в Накумере – а это случалось не часто, так как шла большая война между христианами и язычниками, – она превращалась в драгоценность, которую он рассматривал, не вынимая из ларца, восхищался ей, а потом, смеясь над своим горячим желанием, запирали, не дотрагиваясь до нее, и отправлялся на поле битвы.

По отношению к ней он был необычайно добр, хотя временами в голосе его звучала издевка, которую Мелицента не могла понять. Он ограбил бесчисленное количество генуэзских и венецианских кораблей,

известных самыми богатыми грузами – драгоценностями и тканями, шелками и мехами, вышивками и кружевами, чтобы его жена-христианка стала еще привлекательнее. Казалось, что его беспрдельно охватило страстное желание обладать ею. И если бы он победил, он мог бы праздновать победу далеко не над слабым противником.

Его подгоняла гордость: так ведьмы гонят простаков к их же гибели. «Наберемся терпения!» – говорил он.

А в это время жены его выглядывали из-за занавесей своих спален и люто ненавидели Мелиценту.

– Наберемся терпения! – тоже говорили они, но куда более зловеще.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕМЕТРИЙ

*Как Мелицентою ослеплены,
И этим самым объединены,
Плечом к плечу в дрались враги,
И каждый знал взаимные долги.
И не было меж гор сильнее льва,
Чем Перион (такая шла молва);
И ядовитей змея и хитрей,
Чем князь Деметрий в ревности своей.*

ГЛАВА XI

Как время обошлось с Перионом

В Пуактесме рассказывают историю, повествующую о том, что приключилось с Перионом де ла Форэ после освобождения из языческого плена. Рассказывают о том, как служил он у Кипрского короля, как был побежден Кипрский король на море эмиром Арсуфа и как Перион, уцелевший в этой битве, с суши освободил гарнизон Яфы и ему было пожаловано дворянство за смелые действия, которые одним ударом сохранили оскудевающие богатства Кипра; и как Периона впоследствии стали называть графом де ла Форэ.

Затем Кипрский король заключил мир с язычниками, и Перион покинул его. Теперь военное искусство Периона предоставлялось любому властелину, который посмел бы померяться силой с Деметрием и волшебным мечом наместника Фламбержем. И это было для Периона де ла Форэ не обычной жаждой битвы, где гибнут тысячи. Он боролся за Мелиценту.

Деметрий был доволен. Его наполняла радость бойца, который вдруг видит, что судьба столкнула его с равным по силе и ловкости.

Единоборство между ними откладывалось из-за разных обстоятельств, шли годы, и ни один из них не мог встретиться с другим и победить. Затем король Теодорет, который, как вы помните, когда-то сватался к Мелиценте, объявил крестовый поход. Перион присоединился к нему в Лакре-Кае. Говорят, что добираясь до Лакре-Кае, он посетил остров Левку и его столицу Псевдополь, где имел беседу с царицей Еленой, наслаждением богов и людей. И Перион согласился, что царица достаточно приятна на вид.

— Она, в самом деле, напоминает госпожу Мелиценту, которой я служу в этом мире и буду служить ей и в Раю, — сказал Перион. — Но у госпожи Мелиценты родинка на левой щеке.

— Жаль, — заметил сопровождающий его греческий воин. — Родимое пятно портит красивую женщину.

— Я говорю, мессир, о госпоже Мелиценте.

— Даже при этом, — ответил греческий воин, — родимое пятно — недостаток.

— Я не могу позволить, чтобы при мне произносились такие слова.

И они начали сражаться, и Перион убил противника, а затем в тот же день покинул Псевдополь.

Вот так поступал Перион.

Далее он пошел на берег Евксина, где повстречал двух старых друзей, а вскоре он добрался и до короля Теодорета. Король сразу же узнал в знаменитом графе де ла Форэ бывшего виконта де Пизанжа, которого еще в Пуактесме весьма невзлюбил. Но Теодорет и виду не подал.

– Небеса сами выбирают свои орудия, – отметил благочестивый король. – И этот развязный граф де ла Форэ, у которого еще немало имен, носит звание воина, не имеющего себе равных в христианском мире. Давайте вначале победим этого бесчестного наместника, этого противника нашего Спасителя, а затем уж избавимся и от других бесчестных личностей. Возможно, Небеса позволят мне обвинить графа де ла Форэ в какой-нибудь особо отвратительной ереси. Поскольку этот длинноногий головорез похож на схизматика и великолепно будет выглядеть на дыбе.

Король Теодорет расцеловал Периона в обе щеки и присвоил ему звание генералиссимуса королевских вооруженных сил. В день Святого Георгия флот Периона, состоящий из тридцати четырех крупных, но быстроходных кораблей, вышел в море.

– Доставь мне Деметрия в цепях, – сказал на прощание король, похлопывая Периона по плечу, – и все, что есть у меня, будет твоим.

– Вообще-то я намеревался вернуть свою украденную жену, госпожу Мелиценту, – ответил Перион, – и если удастся, я доставлю вам и Деметрия за то, что вы предоставили мне эти корабли и этих солдат.

– Не думаешь ли ты, – раздраженно спросил Король, – что монархи в наши дни предоставляют оружие и воинов для освобождения женщин, которые уже далеко не молоды и которые всегда отличались тугодумием, свойственным лишь старым свиноматкам.

– Я не могу позволить, чтобы при мне произносились такие слова... – обратился Перион к королю, стоявшему во главе своего войска.

Но Теодорет поспешно объяснил, что это всего лишь общее наблюдение и никоим образом не касается госпожи Мелиценты.

ГЛАВА XII

Как был захвачен Деметрий

Вот так накатила война на провинцию Деметрия, словно волна на морской берег. После множества успехов и неудач в этой кровавой бойне Периону удалось врасплох захватить галеру Деметрия, когда наместник спал, а судно стояло на якоре в собственной гавани, в Квезитоне.

Обнаженный и безоружный Деметрий яростно сражался с набросившимися на него солдатами и убил двоих, пока не был успокоен Перионом.

Деметрию по приказу Периона был выдан особый меч, а сам Перион снял с себя все доспехи. Они бились так, будто встретились два урагана. А в итоге Деметрий оказался ранен и потерял сознание. Итак, Деметрий стал пленником войска короля Теодорета.

– Но ты моя личная добыча, – сказал Перион, – завоеванная моими собственными руками в честной схватке. Я не собираюсь оскорблять одного из самых знаменитых воинов, каких я только знал, оценивая его слишком низко. Я устанавливаю величину выкупа – это госпожа Мелицента.

Деметрий кусал ногти. Но наконец он заговорил:

– Необходимо сообщить тебе, что если у меня отбирают мою собственность, я стараюсь вернуть ее обратно. Не пройдет и года, как я опустошу любое королевство, которое тебя приютит. Но пока я предупреждаю, что необходимо спешить с выкупом. Мои остальные жены ненавидят франкскую женщину, которая заменила их в моем сердце. Мой сын Орест, мой преемник, будет слушаться во всем свою мать. Каллистион же трижды пытался убить Мелиценту. Если со мной что-то случится, в Накумере, судя по всему, будет править Каллистион. И она не удовлетворится одним лишь убийством. Не знаю, какую пытку придумает Каллистион, но она уж точно не станет детской игрой...

– Какая низость, – воскликнул Перион.

Он-то уж давным-давно узнал, как изобретательны язычники в пытках, и содрогнулся.

Деметрий молчал. Он тоже был обеспокоен, поскольку этот деспот отлично понимал, что в его

величественном доме на другом берегу моря Каллистион могла найти орудия для самых изощренных пыток.

– Мне тяжело было говорить тебе об этом, – сказал Деметрий, – потому что это похоже на просьбу освободить меня. Думаю, что ты собрал достаточно сведений от наших бывших знакомых, что я безрассудно не боюсь смерти. К тому же, я думаю, ты любишь Мелиценту. Что касается остального, нет в Накумере человека столь наивного, чтобы не выполнить моего малейшего желания, пока моя смерть трижды не доказана. Соответственно я, будучи Деметрием, хотел бы услышать клятву, что ты не позволишь Теодорету меня убить.

– Клянусь Всевышним и Римским правом... – воскликнул Перион.

– Но в Риме я не очень-то популярен, – прервал его Деметрий. – Я бы предпочел, чтобы ты поклялся своей любовью к Мелиценте. Я бы предпочел клятву, которую мы оба понимаем, а другой клятвы я не знаю.

Тогда Перион поклялся, как просил Деметрий, и отправился с Деметрием к королю Теодорету.

ГЛАВА XIII

Как восхваляли Мелиценту

Победитель и побежденный сидели на носу корабля Периона. Был теплый, ясный вечер; такой светлый, что звезд не было видно. Перион вздохнул. Деметрий спросил о причине столь явной меланхолии. Перион ответил:

– Меня вынуждают вздыхать, мессир Деметрий, воспоминания о прекрасной и благородной даме. Я не могу забыть эту прелесть, которой нет сравнения. Ей-богу, глаза ее – аметисты, а губы красны, словно вишни. Ее волосы сияют на солнце так же ярко, как подсолнухи; ее кожа белее молока; ее руки – нежнее лебяжьего пуха. Ни на кого на свете нельзя было смотреть с большим наслаждением, и все видевшие ее желали лишь одного: любить госпожу Мелиценту и служить ей.

Деметрий, как обычно, лениво пожал плечами и сказал:

– Она до сих пор красивое создание, ее движения изящны, у нее сладкозвучный голос, и кожа ее мягка, как мех кролика. Вот это и заставляет нас перерезать друг другу глотки. Этот вывод основан на логике, которой руководствуются все мужчины с тех пор, как было обнаружено, что наряду с прямыми путями, ведущими к любви, существуют и обходные дороги. Однако я еще не разобрался до конца, что преобладает: мое влечение или моя ненависть к ней. Меня необыкновенно возмущает ее терпение по отношению ко мне. Мне часто хотелось изуродовать, изувечить и даже убить эту красивую, глупую женщину, которая выставляет меня на посмешище в моих собственных глазах. Я был бы счастливее, если бы смерть забрала эту женщину, которая осмеливается так обращаться с Деметрием.

На что Перион сказал:

– Когда я впервые увидел госпожу Мелиценту, море было спокойным, словно сила его была истощена тщетными потугами соперничать с цветом ее глаз. Морские птицы парили в воздухе, почти рядом с нею, но их движения были менее изящными, чем у нее. На ней было белое шелковое платье, на руках же – серебряные браслеты. Слабый ветер играл ее распущенными волосами, потому что ветер был крепче меня и смел ее любить. Я не думал о любви, я думал лишь о великих деяниях, которые я мог бы совершить и не совершил. Я думал о своей никчемности, и казалось, что душа моя извивается, как угорь на солнце, обнаженная и презренная, не достойная права любить госпожу Мелиценту и служить ей.

Деметрий же сказал:

– Когда я впервые увидел эту девушку, она знала, что поймана, что ее тело принадлежит мне и что ее жизнь зависит от любого моего каприза. Все это она отбросила в сторону, как некое мелкое неудобство. Она вообще не думала об этом, поскольку ничего в этот миг для нее не было важнее того, что мой грузчик еще находится в цепях. Я был всего лишь помехой в ее замыслах и не более: песчинка в туфле причинила

бы ей такое же беспокойство, какое причинил я. Вот это, подумал я, и есть здравый. смысл. Девушка приняла искреннее решение, соответствующее ее желанию и не зависящее от выходок мужчин. Она исполняет это желание. Я же оставался для нее лишь мужчиной. И все же есть что-то сродни мне в этой девушке, которая осмеливается так обращаться с Деметрием...

На что Перион сказал:

– С тех пор как она позволила мне служить ей, я не совершил ничего недостойного. Завтра я пошлю на поле брани новые армии, завтра мне доставит большую радость увидеть их палатки на твоих лугах, мессир Деметрий, а затем сотни и тысячи наших воинов встретятся в бою, таком яростном, что об этой битве будут слагать песни, когда нас уже не станет.

ГЛАВА XIV

Как Перион бросил вызов Теодорету

Завтра один из нас должен убить другого. У меня нет времени ненавидеть тебя. У меня вообще нет времени любить или не любить того или иного человека. Вместо этого я должен посвятить все, чем одарили меня Небеса, любви к госпоже Мелиценте и службе ей. Деметрий же сказал:

– Сегодня ночью мы будем болтать под звездами и тщетно мечтать, как это делали до нас другие глупцы. Завтрашний день, вероятно, зависит от воли небес, но что бы ни совершил мы завтра, мессир де ла Форэ, все это будет глупейшим занятием, поскольку мы оба одурманены ясным взором, губами и волосами. Я нахожу все наши поступки смехотворными. Мы отличаемся друг от друга тем, что я в любом зеркале нахожу обильную пищу для веселья, удивления и насмешки. Однако во мне возникает нечто, жаждущее убийства, когда я осознаю, что ни ты, ни она не относитесь ко мне с ненавистью. Неприятная правда заключается в том, что ни один из вас не считает меня достойным своих переживаний. Она невыносимо раздражает меня, потому что никто другой не осмеливался так обращаться с Деметрием. На что Перион сказал:

– Деметрий, твои поступки уже смехотворны, поскольку ты слепо проходишь мимо откровений Небес, ты не замечаешь чуда. И потому там, где ты видишь только уязвленную плоть, я нахожу радость в том, чтобы любить госпожу Мелиценту и служить ей.

Деметрий же сказал:

– Перион, глупец именно ты, если не понимаешь, что Небеса недоступны и сомнительны. Но ясный взор замечает несомненную тупость и радующую сердце доступность любой женщины, если с ней правильно обращаться... даже с такой, которая осмеливается так обращаться с Деметрием.

Вот так они просидели всю ночь на носу корабля Периона, соперничая, словно на турнире трубадуров, друг с другом и красочно расписывая госпожу Мелиценту, до тех пор, пока с наступлением рассвета не погасли звезды.

Мегарида, столица Теодоретова государства, в ту ночь, когда войска во главе с графом де ла Форэ вступили в нее, была освещена огнями костров. Рядом с лошадьёю победителя молча шел одетый в простую дерюгу Деметрий с руками, связанными за спиной. Однако более мрачным было лицо победителя, поскольку Периона тревожил предстоящий разговор с королем Теодоретом. Вот так они добрались под крики толпы до особняка д'Эбеленов, который предназначен был стать их резиденцией, и в ту ночь Перион спал в одной постели с Деметрием.

На следующий день в час заутрени два вооруженных всадника препроводили связанного Деметрия к королю Теодорету. Перион же важно шествовал впереди них, поскольку, несмотря на свои мрачные мысли, осознал, что последнюю его победу приветствовал весь христианский мир.

Они вошли в слабо освещенную просторную комнату, со стенами из неотесанного камня и голым полом. В ней было всего лишь одно застекленное окно с железной решеткой. Тут стояла незастеленная кровать с потрепанным зеленым балдахином, расшитым стоящими на задних лапах, сильно потускневшими, серебряными львами. Справа от нее располагалась молитвенная скамеечка. Посреди

комнаты, за некрашенным столом в кресле с высокой спинкой сидел сморщенный и неряшливо одетый старик.

Это и был Теодорет, самый набожный и самый скупой из всех монархов. Рядом с ним стояли два священнослужителя: по правую руку брат Баттиста, приор Серых Монахов, а по левую – ближайший родственник Мелиценты, в прошлом епископ, а сейчас кардинал де Монтор, который, как было широко известно, и являлся настоящим правителем этого государства. Одет он был изысканно, как придворный кавалер, и ничем не походил на священника.

Дряхлый король поднялся и пошел навстречу герою, которому удалось совершить то, чего не удавалось сделать многим военачальникам христианского мира. Король обнял победителя Деметрия, как равного себе.

– Мой дорогой друг, – сказал Теодорет, – приветствую тебя, обрубившего занесенную с мечом руку язычества! Сегодня у святых на небесах настоящий праздник. Я не в силах вознаградить тебя, поскольку всемогущ лишь один Господь Бог. Ты можешь пожелать все, что угодно, кроме короны, и получишь желаемое.

Милостиво улыбаясь, старик поцеловал главную свою драгоценность – кусочек Подлинного Креста, висящий у него на шее на золотой цепи.

– Король сказал свое слово, – ответил Перион. – Король поклялся на самой святой реликвии. Я прошу жизнь Деметрия.

Теодорет отпрянул, словно язычок разгорающегося костра от дыхания разжигающего его. Он неприятно рассмеялся и сказал:

– В такой час позволены любые шутки. Но мы не должны превращать в шутку дело, касающееся Церкви. Разве я не прав, Айрар? Этот безжалостный Деметрий, несомненно, тот самый Антихрист, пришествие которого предречено. Я отдаю его Матери Церкви для того, чтобы он был беспристрастно допрошен и крещен, поскольку даже и у него может быть душа, а затем сожжен на рыночной площади.

– Король сказал свое слово, – ответил Перион. – А я сказал свое.

Наступила ужасная пауза. Король Теодорет находился в явном смятении. Наконец он произнес:

– Ты просишь жизнь Деметрия, этого заклятого врага нашего Спасителя, этого исчадия Ада, который ограбил больше моих городов, чем у меня пальцев на руках! Причем сейчас, когда Всевышний особо милостив ко мне!..

Речь короля стала невнятной, он зарычал и забормотал что-то, словно взбесившаяся обезьяна.

Милостивый государь, я сражался с Деметрием, потому что он бесчестным образом держит в плену госпожу Мелиценту, которой я безоговорочно служу в этом мире и буду служить в Раю. Только он один может освободить Мелиценту.

– Ты собираешься выпустить на волю этого злодея! – воскликнул старый король. – Чтобы опять начать всю эту бойню!

– Вспомните, пожалуйста, милостивый государь, как долго я люблю Мелиценту. Поймите, что если вы казните Деметрия, госпожа Мелицента останется беззащитной в стране язычников. Ее убьют, потому что другие жены этого человека ненавидят ее из-за ее неоценимой красоты.

В это самое время кардинал и наместник оценивающе оглядывали друг друга. Казалось, что в этом плохо освещенном помещении, кроме них двоих, никого не было. Они не встречались ранее. «Вот достойный соперник – думал каждый из них, – вот равный мне по хитрости и смелости». И каждый из них страстно стремился проверить другого в каком-либо состязании. И между ними возникло некое понимание.

И, как следствие этого, они испытывали жалость к Теодорету, который правильно считал, что сдержи или не сдержи он клятву, не избежать ему проклятия.

– Ты был неблагодарен... – пробормотал он. – Я не посмею освободить Деметрия... Моя душа будет в ответе за это беззаконие... Но я поклялся на кресте... И так, и этак погибель! Послушайте, мой отважный

полководец, – почти рывкнул король, – у меня есть золото, земли, драгоценности...

– Милостивый государь, я люблю самую дорогую для меня женщину с того времени, когда мы с вами были молоды, и с каждым днем моя любовь к ней удваивалась. Какой прок мне в богатом поместье, если я не смогу каждый день видеть мое сокровище?

Тут вмешался кардинал де Монтор, и голос его ласкал слух, как шелк ласкает пальцы.

– Милостивый государь, – произнес Айрар де Монтор. – Мое уважение к вам безмерно. Но вы дали клятву, которую ни один из живущих не посмел бы не сдержать.

– Да, это правда, Айрар! – с дрожью в голосе признал король. – Этот забияка зажал меня в угол. – Он вновь повернулся к Периону – злой, напрягшийся, но осторожный, как рассерженный кот.

– Выбирай! Я сделаю тебя самым богатым человеком в королевстве... Сын мой, предупреждаю тебя, что со времен Адама женщины всегда были излюбленной приманкой Дьявола. Видишь, я не сержусь. Я тоже помню, как прекрасна она была. Однажды она искушала меня, как и тебя. Поэтому я прощаю тебя. Я отдам тебе в жены мою дочь Эрменгарду, я сделаю тебя своим наследником, отдам тебе половину королевства...

Его дрожащий голос становился все громче, но внезапно стих, потому что, несмотря на все увещевания, он прочитал в глазах Периона свое проклятие.

– С тех пор как в моем сердце поселилась Любовь, – проговорил Перион, – в нем не осталось места ни для чего другого. Что я могу поделаться, если Любовь вознаграждает мое гостеприимство желанием, которое не может покорить мир, но и не покорится ему?

Тогда сухо и отчужденно Теодорет сказал:

– ...Иначе я должен сдержать свою клятву. В этом случае ты можешь покинуть нас вместе с этим безбожником. Я даю тебе на это день и ночь. Но если кто-то из вас через двадцать четыре часа попадется мне в руки, я убью его не сразу, а подвергну неслыханным пыткам...

И лучше было не видеть лицо короля в то мгновение. Но взгляд Периона был безмятежен, пока не заговорил Баттиста:

– Я обещаю еще худшее. Библия будет сброшена, колокола зазвонят, а свечи погаснут... О, очень скоро! – он по-кошачьи облизал губы.

Перион был потрясен, так как отлучение от церкви для любого из верующих страшнее смерти, и Перион испугался даже больше, чем был испуган король. И Перион какое-то время думал о Мелицене, а потом сказал:

– Я выбрал. Я выбираю адский огонь, а не богатства и почести. Я прошу освободить Деметрия.

– Уходи, – сказал Король. – Уходи, богохульник! – Ты наплачешься за это в Аду. Дай мне Бог услышать твои стенания и посмеяться, как я смеюсь сейчас...

Он вышел в сопровождении Баттисты, нашептывающего ему о каких-то паллиативах. Кардинал же остался и пронаблюдал, как с Деметрия снимают цепи.

– Вследствие, как бы я выразился, далеко не христианского решения мессира де ла Форэ, – сказал кардинал, – вполне возможно, мессир наместник, что следующий поход на ваши земли я возглавлю сам...

Деметрий громко расхохотался, а затем сказал:

– Осмелюсь пообещать вашему святейшеству самый радушный прием.

– Я надеюсь на это, – ответил кардинал, и его улыбка сейчас была вполне дружелюбной.

Ради справедливости надо отметить, что он ничего не знал о планах Баттисты.

Все ушли, и кардинал остался в комнате один. Сидя в королевском кресле, Айрар де Монтор с тоской размышлял о прошедших временах, когда он тоже всем сердцем любил Мелицену. Казалось, это было давным-давно, и он ясно осознал свою зрелость.

Он удалил любовь из своей жизни вместе с другими слабостями, которые могли бы помешать

возвышению Айрара де Монтора. И он, как следствие, многого достиг. Он был удовлетворен: дело мужчины прокладывать в этом мире свой путь, и он его проложил.

– Моя кузина – смелая девушка, – произнес он вслух. – Я, конечно, должен сделать все что могу для ее освобождения, как только выдастся возможность послать войска против Деметрия.

Затем кардинал занялся написанием сонета в честь Монны Виттории де Пацци. Отчаяние, что он с удовлетворением отметил, пробудило в нем необычайное красноречие при обращении к этой упрямой женщине, которая вот уже шесть недель противостояла его любовным притязаниям.

ГЛАВА XV

Как сражался Перион

Вот так неожиданно Деметрий и Перион стали союзниками в борьбе против всего христианского мира. Надев доспехи, они, провожаемые проклятиями, выехали из Мегариды, где все еще тлели костры, зажженные в честь Периона. А поскольку брат Баттиста, не откладывая, разнес весть о дилемме короля Теодорета, то вслед им летели угрозы, но, зная, что попытка напасть на этих двух героев может оказаться весьма плачевной, по крайней мере, для дюжины крикунов, последние предпочитали проявлять свою злобу в устной форме.

Деметрий ехал, сняв шлем, чтобы эти запуганные мелкие людишки могли бы наяву увидеть человека, которого они боялись и ненавидели больше всего на свете.

Они миновали крепостные стены и поднялись на холм, а оттуда был прямой путь к лесу Сан-Назаро. Дорога пролегла по скалистому ущелью. Вверху на фоне голубого неба тут и там виднелись первые весенние листочки: апрель был не за горами. Первым заговорил Перион:

– Я думал сохранить тебя в качестве выкупа за госпожу Мелиценту, но боюсь, что это невозможно. У меня нет ни поместья, ни замка, где я мог бы держать тебя под замком. Я искренне хочу немедленно убить тебя в поединке. Но когда твой сын Орест узнает, что ты мертв, то, как ты говоришь, он убьет Мелиценту. Однако, может быть, ты лжешь.

Перион был высокомерным, властным человеком и привык командовать. У него были черные волосы, серые, смотревшие с вызовом глаза и тонкое приятное лицо, которое сейчас вовсе не было приятным.

– Ты знаешь, я не трус... – начал Деметрий.

– Не сомневаюсь, – сказал Перион. – Наоборот, я считаю тебя одним из самых отважных воинов на свете.

– Тогда я могу повторить, что моя смерть предопределяет смерть Мелиценты. Орест ненавидит ее из-за своей матери. А так как мы сражались неоднократно, каждый из нас знает, что я не боюсь смерти. У меня есть волшебный меч Фламберж... – Деметрий встряхнулся, как пес, только что вышедший из воды, поскольку вдруг и сам осознал, насколько противоестественна непобедимость с помощью волшебства. – Я, Деметрий, заявляю, что не буду сражаться с тобой. Мне вдруг стала дорога моя жизнь. И я не могу рисковать своей жизнью в поединке, поскольку знаю: как только Орест удостоверится, что меня больше бояться нечего, так сразу же отомстит госпоже Мелиценте за свою мать...

– Докажи!

И с этими словами Перион что есть силы ударил наместника по смуглому лицу. В наступившей тишине можно было услышать, как слабый ветерок колышет верхушки деревьев.

Деметрий не пошевелил и пальцем. Лицо у него стало пепельного цвета, но глаза загорелись, как угольки.

– Думаю, это доказано, – сказал Деметрий и шепотом добавил, – поскольку мы оба по-прежнему живы...

– Договорились, – согласился Перион. – Убежден, что ничего, кроме твоей любви к Мелиценте, не смогло бы помешать вступить в предложенный тебе бой. Когда Деметрий уступает, то я самым первым берусь утверждать, что у него есть на то неоспоримая причина. Двинемся дальше! У меня в наличии только пятьсот цехинов, но этого будет достаточно, чтобы добраться до Квезистона. И поскольку мы недалеко от берега...

– Кажется, еще кое-кто хочет вступить в нашу беседу, – ответил Деметрий. – Посмотри-ка, мессир!

Далеко внизу Перион увидел несколько людей, одетых в белые с пурпуром камзолы. Они поднимались вверх по склону холма.

– Это цвета герцога Сигурда, – сказал Перион. – Мне не по душе их появление. Но как-никак на нашей стороне клятва короля.

Но Деметрий тотчас же истолковал происходящее как приближение их неминуемой смерти. Он с усмешкой сказал:

– Благочестивый Теодорет говорил о двадцати четырех часах и о том, что не пошлет своих слуг в погоню за нами. Но что могло помешать ему шепнуть пару слов своему шурину, потому что вы, слуги Христовы, преуспели в таких хитростях.

– Сейчас едва ли подходящий момент для теологических споров, – заметил Перион. – Что касается остального, то у нас мало времени. И тебе незамедлительно нужно бежать! – Он отдал тощий кошелек с золотом своему заклятому врагу. – Отправляйся в сторону Наренты! Это вольный город и весьма враждебно относится к Теодорету. Если я останусь жив, я непременно найду тебя и буду биться с тобой за Мелиценту.

– Ничего подобного я не сделаю, – спокойно сказал Деметрий. – Разве я могу позволить человеку, которого ненавижу сильнее всего на свете, – тебе, который ударил меня и еще жив! – сражаться в одиночку с двадцатью противниками. Нет, я останусь, поскольку, в конце концов, их только двадцать.

– Я ошибался в тебе, – ответил Перион. – Я думал, что ты, как и я, любишь Мелиценту. Слишком поздно я понял, что ты можешь противопоставить свою гордость ее благополучию.

Они посмотрели друг на друга, и чем дольше они смотрели, тем легче становилось у них на сердце.

– Я все понял, – сказал Деметрий.

Он вонзил шпоры в своего коня и исчез, как трус, убегающий с поля битвы. Это был единственный случай в его жизни, когда он пересилил свою гордость, и об этом не стоит забывать.

Сердце Периона было полно радости.

– Временами, – сказал Перион, – мне хочется полюбить этого бесчестного и похотливого язычника. Затем Перион бросился навстречу подданному герцога Сигурда. Как жнец, убирающий на поле пшеницу, сир Перион взмахивал на солнце своим мечом и снимал урожай.

В этом узком ущелье не было слышно ничего, кроме звона мечей и тяжелого дыхания сражающихся. Впервые граф де ла Форэ позволил себе во время боя гнев. Не говоря ни слова, он вступил в безнадежную схватку: так пьяница, не задумываясь, хватается за бутылку.

Первым Перион убил Руггиеро из Ламберти, после чего Перион впал в неистовство, словно волк, напавший на стадо баранов. Он зарубил еще шестерых дюжих молодцов: так сумасшедший поражает мечом изображенные на гобелене фигуры. Коня под ним убили, и теперь тот служил ему укреплением, за которым и стоял насмерть Перион. Затем он встретился лицом к лицу с Джакомо де Форио, а в это время Рыжий Джулио бросил свой меч, как копье, и тот вонзился в левое плечо Периона, вызвав обильное кровотечение. Марцио камнем попал в гребень его шлема, и на том порвались ремешки. Тут же Джакомо нанес Периону еще три раны, и Перион упал, а солнце светилось у него в волосах. Противники его одолели. Сняв одежду с трупов, они разорвали ее на лоскуты, из этих окровавленных тряпок скрутили жгуты и связали ими Периона Лесного, которого с трудом победили двадцать воинов.

Он слабо улыбнулся, словно человек, прикованный болезнью к постели, но тут же из-за большой потери крови лишился сознания. Он знал, что Деметрию должно было повезти, поскольку он ушел

вовремя. И радовалось сердце Периона тому, что Мелицента вне опасности.

Этот однолюб, который ничего на свете не мог сравнить с благоденствием любимой женщины, был счастлив, поскольку ему не было суждено постичь, каковы в жизни мерила Деметрия.

ГЛАВА XVI

Как размышлял Деметрий

Без всяких помех Деметрий добрался до вольного города Наренты. Он считал, что его император должен был послать галеры в христианские страны, чтобы собрать сведения об исчезнувшем генералиссимусе, но в этом городе купцов никто не слышал о подобных галерах.

Однако в гавани ему удалось найти торговое судно, готовое к отплытию в страну язычников. Уже были подняты паруса и выбирали якорь. Деметрий поторговался с капитаном судна и в итоге заплатил ему четыреста цехинов. Капитан же согласился вечером подойти к Ансиньянской Игле и взять Деметрия на борт. Поскольку у наместника не было никаких бумаг, он не мог миновать служащих Трибунала, которые осматривали все суда в Пиае.

Итак, перед закатом солнца Деметрий ожидал на Ансиньянской Игле прихода корабля. Этот мыс был похож на высеченный из черного камня палец какого-то титана, который ненароком сунул его в воду. День медленно угасал, а ворчащее море беспрестанно смешивало золото с кровью.

Деметрий подумал о том, как он благополучно миновал бесчисленные опасности, и довольно рассмеялся. Он в уме перебрал все достоинства и недостатки своих приближенных, которые ждали его за морем, и стал думать о Мелиценте, которую он любил даже больше, чем свою способность насмехаться надо всем в этом мире. И наместник усмехнулся. А вслух он произнес:

– Я весьма задолжал мессире де ла Форэ. Я должен намного больше, чем могу вернуть. Потому что к этому времени подонки уже убили мессира де ла Форэ или доставили его к королю Теодорету, который очень благочестиво умертвит этого статного идиота. В любом случае, я буду спокойно наслаждаться и владеть Мелицентой до самой смерти. Решительно, я премного обязан этому самодовольному рослому дурню.

Так он боролся с собственным раздражением. Возможно, этот человек никогда не был в своем уме, так как главной причиной его даже малейшего поступка была непомерная гордыня. Сейчас в нем пробудилась ненависть, исходящая из чувства отвращения к самому себе. Наступило отупение, словно он оказался окружен стеной огня. Невозможно надлежащим образом ненавидеть этого Периона, который ударил Деметрия Анатолийского и, вероятно, еще был жив. Не мог думать Деметрий и о достаточном возмездии этому Периону, который осмелился быть таким высоким, красивым и молодым на вид, в то время как Деметрий не обладал ни одним из этих качеств, и именно этого Периона любила и любит поныне Мелицента. А Деметрий Анатолийский хотел сражаться с таким человеком заколдованным мечом, подвергаясь не большему риску, чем рыбак, ловящий пескарей. Получалось, что Деметрий Анатолийский довольствовался милостыней, данной ему каким-то упрямым комаром. Деметрия трясло от отвращения. В лучах заката его смуглое лицо походило на личину демона Велиала, который возбуждает и старательно пестует плотскую гордыню. – Жизнь Мелиценты зависит от моего возвращения в Накумеру... И что из этого! – громко вскричал он. – Мысль о Мелиценте слаще размышлений о любом боге, но недостаточно сладка, чтобы заставить меня жить и дальше в качестве должника Периона.

И когда спустя полчаса судно подошло к Игле, каменное острие оказалось пустынным. Деметрий немногим раньше отпустил лошадь, скинул доспехи, бросил меч и разорвал одежду. Затем он искупался в первой попавшейся луже. И пешком, в грязных лохмотьях – поскольку никто не обратит внимания на нищего – вернулся он во владения короля Теодорета, где не ждали, что Деметрий придет невооруженным. Увидев, что таким способом легко проникнуть в столицу, что вскоре и было доказано, он обнаружил, что так же легко ее и покинуть.

ГЛАВА XVII

Как появился менестрель

Деметрий вернулся в Мегариду, где в недавно построенном замке Сан-Алессандро томился закованный Перион. Целый час ушел на суд, отлучение от церкви и прочее, так как пришлось унимать подвыпившего инквизитора, который мешал исполнению формальностей пением кабацких песен. Но, в конце концов, к всеобщему облегчению было постановлено, что граф де ла Форэ в день святого Ричарда будет разорван на части четырьмя лошадьми.

Деметрий, услышав об этом в трактире, купил крепкий напильник, алую шляпу и лютню. Амбродисио Браччиолини, главный тюремщик крепости, как выяснил из разговоров с местными жителями Деметрий, был в юности бродячим певцом, и менестрели всегда были желанными гостями в Сан-Алессандро.

Тюремщик был очень толстым человеком с маленькими ледяными глазками. Деметрий снял с него мерку с точностью до вершка, как только Браччиолини возник в дверях.

Деметрий постарался разыграть самую восхитительную простоту.

— Да поможет вам Бог, мессир, — глупо улыбаясь, сказал он. — Я привез драгоценный бальзам, который излечивает все болезни и унимает недомогания как тела, так и души. Поскольку что может быть лучше приятного товарища, который умеет петь веселые песни и рассказывать забавные истории?

— Ты похож на дурачка, — заметил Браччиолини, — но не все спят, кто храпят. Расскажи-ка мне о своих достоинствах!

— Я умею играть на лютне, скрипке, флажолете, арфе и свирели, — Деметрий перевел дух, — также на испанской пеноле, при игре на которой используют птичье перо, на органиструме, который приводится в действие вращением колеса, на трехструнной скрипке, которая очаровывает своим звучанием, на большом роге, который звучит, как гром.

— Это кое-что, — сказал Браччиолини. — А умеешь ты подбрасывать ножи и ловить их, не порезав рук? Умеешь ли ты жонглировать стульями и показывать фокусы? Умеешь подражать пению птиц? Кувыркатся и ходить на голове? Мне думается, не умеешь! Настоящее искусство умирает, а юнцы не хотят усваивать такие необходимые вещи. В мои дни все было не так, тогда артисты гордились своей профессией. Но, как бы то ни было, ты можешь войти.

Когда наступила ночь, Деметрий и Браччиолини, уютно устроившись, распевали песни о любви, радости и сражениях. Ярко горел огонь, а пол был устелен пестрыми циновками. На столе хватало и белых, и красных вин. Затем бражники перешли к песням более непристойного содержания. Деметрий спел о любви Думузи и Иштар, которую тюремщик весьма оценил, но после перекрестился и сказал:

— Ну, парень, ты, наверно, выловил такую мерзость в самой адской бездне!

— Я научился этой песне в Накумере, — ответил Деметрий, — когда был там в плену вместе с мессиром де ла Форэ. Это одна из его любимых песен.

— Да? — спросил Браччиолини и сурово посмотрел на Деметрия, сложив губы трубочкой. Он уже смекнул, что дело пахнет взяткой, но лицо Деметрия выражало сплошное благодушие.

— Итак, значит ты служил под его началом? Я помню, что его как-то взяли в плен язычники, и говорят, его выкупила какая-то женщина.

Деметрий, всегда готовый рассказать сплетню о ком угодно, поведал о жертве Мелиценты. И рассказывал он живо и правдиво, кроме того что себя он выдал за Вольного Соратника.

Браччиолини же под конец рассказа сделал заключение, что наместник поступил глупо, отдав изумруды.

— Он дал врагу оружие против себя.

— Но это оружие никогда не использовалось. Вспомните, что Перион тут же был принят на службу к

королю Бернару. Так что Перион спрятал изумруды на черный день., закопал под дубом в Сан-Назаро, как он мне сказал. Думаю, они там покоятся до сих пор.

– Ну и ну, – сказал Браччиолини и замолчал. Деметрий, не глядя на него, перебирал струны лютни.

Браччиолини наконец произнес:

– Ты говоришь, их было восемнадцать? И все совершенно превосходны?

– А? Ах да, изумруды? Да, они безупречны, мессир. Самый маленький был больше яйца малиновки. Но я вспоминаю еще одну песню, которой научился в Накумере...

Деметрий спел о Кальмуре и ее пяти любовниках, которых она удовлетворяла одновременно. Он особенно старался выделить самые пикантные моменты. Но Браччиолини бормотал лишь одно слово: «Замечательно!», находясь мыслями где-то далеко. Затем он якобы вспомнил о каких-то делах и покинул комнату. Деметрий слышал, как тюремщик запер дверь снаружи и стал терпеливо ждать. Вскоре Браччиолини вернулся, одетый в доспехи, в руке у него был обнаженный меч.

– Парень, – его голос был резок, – я уверен, что ты мошенник, и также я уверен, что ты собираешься освободить этого негодяя, графа де ла Форэ. Уверен я и в том, что ты пытаешься дать мне взятку, чтобы я помог графу бежать. Ничего подобного я не сделаю, потому что, во-первых, это будет грубейшим нарушением присяги, а во-вторых, меня за это просто повесят.

– Мессир, я клянусь!.. – воскликнул Деметрий с хорошо разыгранным возмущением.

– К тому же я уверен, что ты мне все время лгал. Я не верю, что ты когда-либо видел графа де ла Форэ. И, конечно, я не верю, что ты являешься другом графа де ла Форэ, потому что в таком случае ты никогда не дошел бы до такого безрассудства, чтобы признаваться в этом. Такое заявление – хорошее основание для того, чтобы повесить тебя дважды. Короче, я уверен только в одном, а именно в том, что ты безумен.

– Говорят, что я лунатик, – ответил Деметрий, – но скажу тебе по секрету: с той стороны луны находится некая мудрость, и вот почему звезды такие радостные и восхитительные.

– Все это ерунда, – заметил тюремщик и продолжил: – Сейчас я собираюсь устроить тебе очную ставку с графом де ла Форэ. Если твоя история окажется ложью, тем хуже для тебя.

– Это правда, но благоразумные люди всегда закрывают двери перед тем, кто говорит правду.

– Ни к чему такие разглагольствования, – сказал Браччиолини и продолжил свою мысль: – В таком случае мессир де ла Форэ несомненно будет очень тронут твоей преданностью и тем, что ты разыскал его в то время, когда весь остальной мир от него отказался. Ты еще долго будешь вспоминать, как эта самая преданность тронула меня до такой степени, что я даровал тебе последнее свидание с твоим бывшим господином. Мессир де ла Форэ, естественно, поймет, что у человека, разорванного на четыре части, нет особой нужды в изумрудах. Он, повторяю, будет весьма тронут. Из наилучших чувств, из благодарности и чистой любезности он откроет тебе, где лежат эти камни, восемнадцать безупречных камней. Ну, а если этот негодяй, граф де ла Форэ, не выкажет надлежащих чувств, скажу тебе откровенно, для тебя будет хуже. А сейчас идем!

Браччиолини указал на дверь, и Деметрий покорно вышел из комнаты. Браччиолини следовал за ним, по-прежнему не убирая меч в ножны. Коридоры были пусты. Главный тюремщик об этом позаботился. Его позиция была проста. Будучи вооруженным, он, естественно, не боялся нападения двух человек: одного безоружного, а другого закованного в цепи. Если этот бродяга солгал, Браччиолини убьет его за такую дерзость. Собственная нелегкая юность научила его, что у бродячего певца никаких прав нет, что его можно безнаказанно бить и грабить, а можно и убить.

С другой стороны, если этот бродяга сказал правду...

ГЛАВА XVIII

Как расквитались Перион и Деметрий

...то возможны два исхода. Или Перион не скажет, где спрятаны изумруды, и в таком случае Браччиолини убьет этого музыкантишку за его же собственную ошибку. Или пленник скажет все необходимое, и в таком случае Браччиолини убьет музыкантишку за то, что он слишком много знает. Браччиолини испытывал самое искреннее уважение к драгоценным камням и считал, что им не место ни под дубом, ни в кармане бродяги.

Размышления о подобной жадности взбудрили Деметрия. Когда хорошо вооруженный тюремщик нагнулся, чтобы отпереть дверь темницы Периона, сильные и ловкие ладони наместника вцепились в горло Браччиолини, словно змеи, заглушив его крики.

Деметрий, который не вышел ростом, поднял тюремщика как можно выше, чтобы дергающиеся ноги не стучали о плиты пола и это не привлекло внимания других охранников, и старательно придушил свою добычу. Ключи, как заметил Деметрий, к счастью висели на поясе и не упали со звоном на пол. Все произошло совершенно бесшумно и заняло всего какие-то мгновения. Затем мечом Браччиолини Деметрий перерезал ему глотку. В этом Деметрий знал толк.

Деметрий вошел в темницу и распилил оковы на Перионе де ла Форэ. Затем он уложил труп тюремщика на койку, смыл все пятна перед дверью, так что не осталось никаких следов. Уходя, он запер освободившееся помещение и ухмыльнулся, наверно, так же, как Сатана, когда пал Иуда.

Благодаря предосторожностям, предпринятым Браччиолини, Деметрий и Перион спокойно выбрались из Сан-Алессандро, а затем и из Мегариды. И вновь они зашагали по знакомой дороге. Перион хотел было что-то сказать, но Деметрий проворчал: «Не сейчас, мессир». К вечеру они подошли к тому проходу в горах, ведущему к Сан-Назаро, где Перион сражался с дюжиной воинов.

Деметрий обернулся. Луна осветила лица воинов, и на лице Деметрия появилась хитрая усмешка. Оно походило скорее не на лицо гордого правителя, а на вырезанную из дерева образину какого-нибудь старого водяного.

– Мессир де ла Форэ, – сказал Деметрий, – мы квиты. Сейчас наши пути разойдутся до тех пор, пока один из нас не встретит и не убьет другого. Что наверняка произойдет.

Было видно, что Перион глубоко разочарован.

– Ты – мошенник и плут, – сказал Перион, – потому что из-за своей гордыни подверг опасности свою проклятую жизнь – жизнь, от которой зависит жизнь Мелиценты! Тебе нужно было освобождать меня, в то время как твой отпрыск совершал гнусные подлости по отношению к Мелиценце! Я никогда не ненавидел тебя так, как сейчас!

Деметрий был весьма польщен.

– Вот что значит, – сказал он, – подставлять щеку и делать добро тому, кто тебя безжалостно использует в своих целях! Радуйся, рьяный слуга Любви и Христа. Я, без оружия и без гроша в кармане, нахожусь среди людей, которых я при всем желании не могу даже презирать. Вскоре этот сброд может схватить меня и сжечь заживо. Теодорет вполне настроен сделать из меня свечу, которая осветит его путь во владения вашего благородного Спасителя.

– Это правда, – ответил Перион. – Я не могу позволить, чтобы тебя убил кто-то другой, до тех пор пока не найду нужным сделать это сам.

Так беседовали эти двое, волей судьбы ставшие союзниками в борьбе против всего христианского мира. У Деметрия оставалось тридцать цехинов, а у Периона денег вообще не было. И тут Перион показал то кольцо, которое в знак любви дала ему много лет назад Мелицента, когда она была еще юной и не познала горя. Перион дорожил им как ничем другим.

– Как дорого мне это кольцо, когда-то касавшееся пальца моей дорогой Мелиценты, о которой

по-настоящему ты ничего не знаешь! Это золото – моя потерянная юность, самоцветы на нем – слезы Мелиценты, которые она пролила из-за меня. Поцелуй это кольцо, Деметрий. Эту милость ты заслужил.

После чего они отправились, неотличимые от других попрошайек, – поскольку никто не обратит внимание на нищих – в Наренту, где продали кольцо, чтобы Деметрий смог пересечь море и сохранить жизнь Мелиценты. Они нашли судно, готовое отплыть в страну язычников. Золото было отдано капитану, а тот в обмен согласился подойти сразу же после рассвета к Ансиньяно и взять на борт Деметрия.

Вот такие планы на будущее составили двое влюбленных в Мелиценту, но не приняли в расчет коварную госпожу Удачу.

ГЛАВА XIX

Как был утерян Фламберж

Двое гонимых и преследуемых провели следующую ночь на Ансиньянской Игле, поскольку там противник не мог захватить их врасплох. Перион стоял на страже до полуночи, пока спал Деметрий. Затем наступил черед Деметрия. Когда Перион проснулся, уже рассвело.

Перион сразу же заметил большую галеру с голубыми и желтыми парусами. По мысу сновали моряки-язычники, сгружавшие с судна всевозможные тюки и ящики. Деметрий, теперь одетый так, как одевались у него на родине, стоял среди матросов, отдавая приказания. В миг пробуждения Периону показалось, что среди них была и госпожа Мелюзина, в которую много лет тому назад он был влюблен. Но когда Перион поднялся и подошел к Деметрию, то нигде ее не увидел и подивился этой странной грезе. Но, как знал Перион, надо было решать более неотложные дела.

Наместник злорадно улыбался. – Это судно когда-то принадлежало мне, – сказал он. – Не находишь ли ты забавным, что Евтикл настолько любит меня, что, рискуя своей жизнью, искал меня? Лично я считаю это нелепым. Что касается остального, то ты спал так крепко, мессир де ла Форэ, что не хотелось тебя будить. К тому же это не велела делать одна особа, которая, как говорят, имеет влияние на морской народ и, вероятно, благодаря которой так удачно подошел этот корабль. Не знаю. Она ушла, как всегда, занятая собственными делами. Мы идем другой дорогой, и думаю, будет умнее не вмешиваться в чужие дела.

– Но Перион, безоружный и окруженный врагами, мало что понял из этих речей. Он понял только, что пропал.

– Я никогда ни о чем не просил тебя, – сказал Перион, – а сейчас прошу. Ради кольца, дай мне, на худой конец, хотя бы нож, мессир Деметрий. Позволь мне умереть в бою!

– Но кто сказал хоть слово о каких-то боях? Именно ради кольца я приказал, чтобы с судна сгрузили все, что представляет хоть какую-то ценность. Это не много, но это всё; что есть у меня сейчас. И прими мои извинения за некоторую разнородность товаров, мессир де ла Форэ. Здесь оружие и самоцветы, камфара и амбра, шелковые ткани, тиковое дерево и драгоценные металлы, йеменская кожа, эмали, и я сам не представляю, что еще. Евтикл, как ты понимаешь, вынужден был прикинуться обыкновенным купцом.

Перион покачал головой и заявил:

– Ты предлагаешь мне достаточно, чтобы стать богатым человеком. Но я бы предпочел меч.

На что Деметрий с гримасой на лице сказал:

– Я надеялся отделаться дешевле. – Он отстегнул меч с крестообразной рукоятью, который теперь висел у него на поясе, и вручил его Периону. – Это Фламберж, – продолжал Деметрий, – волшебный клинок, который в старые добрые времена выковал для Шарлеманя Галас. Именно этим мечом я убил своего отца, и он мне так же дорог, как дорого было для тебя кольцо. Владеющий им непобедим. Не знаю, так ли это, но, в любом случае, я вручаю тебе Фламберж в качестве подарка. Я мог бы догадаться, что это единственный дар, который ты примешь. – Его смуглое лицо просветлело. – А сейчас без промедления выходи и сражайся со мной за Мелиценту! Возможно, меня позабавит начать битву на рассвете, зная, что я не доживу до заката. И уже смешно, что ты, без сомнения, убьешь меня этим самым мечом, который я

сейчас держу в руках.

Герои взглянули друг на друга. Деметрий с полной тоски радостью, а Перион с недоброй жалостью. Долго-предолго смотрели они друг на друга.

Деметрий пожал плечами и сказал:

– Для таких, как я, любовь опасна. Для таких, как я, огонь и молния не так страшны, как стрела Афродиты, которая наносит гораздо больший урон. Ведь ты знаешь Еврипида, этого неугомонного лжеца, который порой, хотя и случайно, доходил до самой грубой правды. Так вот, он совершенно прав: эта богиня во время своих полетов над миром со смехом уничтожает все живущее, а ее перемещения так же непрестанны и непредсказуемы, как полеты пчел. И, подобно пчеле, она порою оделяет медом, а порою – раной.

Перион, который не был столь учен, сказал:

– Я горжусь, тем, что мы отличаемся друг от друга. Для таких, как я, любовь является достаточным доказательством того, что человек создан по образу и подобию Бога.

– Ну, у нас нет времени для обмена афоризмами, – прервал его Деметрий. – Я поднимаюсь на борт. – Однако он замешкался и с несвойственным ему смущением добавил. – Послушай, как я могу оставить без гроша тебя, который был так щедр...

Но Перион на это ответил:

– Я могу принять от тебя меч. И я приму его с радостью. Но всего остального принять не могу.

– Таков был бы и мой ответ. Мне повезло, – сказал Деметрий, – мой противник достоин меня. Мы в последнее время вели честный и благородный поединок, в котором пользовались оружием, сделанным вовсе не из стали. Мне бы хотелось, чтобы ты побеспокоил меня как можно скорее, и тогда мы сразимся на мечах и будем биться до тех пор, пока я не избавлюсь от тебя или ты – от меня.

– Будь уверен, я не подведу тебя, – ответил Перион.

Они обнялись и расцеловались. Затем Деметрий отплыл в свою страну, а Перион остался, опоясанный волшебным мечом Фламбержем. Не сразу Перион осознал, что, если верить старым легендам, владелец Фламбержа непобедим, поскольку в логике Перион был не особо силен.

Сейчас же Перион вдруг понял, что Деметрий распространил свое влияние на его будущее – так дают деньги пьянице, заранее зная, как они будут использованы. Теперь наступил черед Периона кипеть от гнева.

– Я как и ты, не собираюсь жульничать! – сказал Перион и, вынув меч из ножен, размахнулся и забросил его как можно дальше, и море поглотило его.

– Сейчас только Бог судья! – воскликнул Перион. – И я ничего не боюсь!

Не имея ни денег, ни друзей, он стоял у моря, а на боку висели знаменитые ножны из голубой кожи с затейливым узором, но они были пусты. Он ликующе рассмеялся, потому что будущее представлялось ему светлым и прекрасным. Что касается остального, то он знал, что самая неблагоприятное занятие – вспоминать о рукоплесканиях в свою честь.

ГЛАВА XX

Как помогли Периону

Перион покинул Ансиньянскую Иглу и отправился на запад в Колумбьерский Лес. У него не было никакого плана. Он бродил по дремучей чаще, куда еще ни разу не ступала нога дровосека, и ощущал себя зверем, которого внимательно выслеживают охотники.

Вскоре он вышел на поляну, залитую солнечным светом. На ней из-под валуна, покрытого серым лишаем и зеленым мхом, бил ключ. На камне сидела женщина, подперев рукой подбородок, и казалось,

что думает она о давно прошедших и приятных событиях. Одета она была во все белое, металлические браслеты украшали шею и руки. А распущенные соломенные волосы, напоминавшие блеклые детские волоски, светились на солнце вокруг ее головы, но там, где они касались камня, они походили на иней.

Она без спешки и без удивления повернулась к Периону, и он увидел, что это госпожа Мелюзина, которую он любил себе во вред (как вы слышали), когда служил королю Гельмасу. Она довольно долго молчала, всматриваясь в честнейшее лицо Периона и сожалея о том, что не видит в нем бывшего обожания.

– Значит, это в самом деле вы, сударыня, разговаривали сегодня с Деметрием, когда я только проснулся, – сказал Перион.

– Ты можешь быть уверенным, – ответила она, – что тот разговор не был оскорбительным для тебя. Где бы я ни была, Перион, я всегда думаю, что в этот миг ты находишься в Раю. – Тут Мелюзина опять погрузилась в размышления. – Итак, ты больше не любишь и не ненавидишь меня, Перион?

Это прозвучало как странное эхо подобной же жалобы Деметрия.

– Однажды я любил вас, и это истина, о которой никто из нас, я думаю, никогда не забудет, – спокойно ответил Перион – Один я знаю, как беззаветно я любил вас... Нет, это был не я, а тот юноша, который давно умер. Дочь короля, словно высеченная из камня, о жестокая и полная ненависти, о сладкоречивая, улыбающаяся предательница, сегодня никто не помнит уже, как беззаветно я любил вас, так как годы встали словно густой туман между тем юношей и мной. И я не могу уже отчетливо разглядеть сердце того юноши. Да, забылось многое... Но даже и сегодня во мне частично сохраняется преданность вам, и я не могу одарить вас ненавистью, которую вы заслужили своим вероломством.

Мелюзина сердито заговорила своим мелодичным и звонким голосом.

– Но я любила тебя, Перион... Отчасти я любила тебя так, как любят большого, преданного пса. Ты был утомителен и скучен, ты раздражал меня своим себялюбием. Да, мой друг, ты слишком много думаешь о чести Периона. Ты постоянно сводишь счеты с Небесами, причем стремишься изо всех сил удержать счет в свою пользу и стать истинным влюбленным.

И было видно, как Мелюзина улыбалась в тени своих блеклых волос.

– И однако ты очень забавен, когда несчастлив, – заявила она, слегка двусмысленно.

– Я такой, – ответил он, – каким меня сотворили Небеса: существо смешанной природы. Поэтому я вспоминаю без отвращения события, которые сейчас кажутся невероятными. Трудно представить, что мы были так счастливы, когда нас объединяла юность... О Мелюзина, я почти забыл, что если обыскать весь мир между рассветом и закатом, мне не найти ту Мелюзину, которую я любил. Я только знаю, что некая прекрасная незнакомка говорит голосом Мелюзины, что у этой женщины тоже голубые глаза и улыбается она так, как обычно улыбалась Мелюзина, когда я был молод. Я брожу среди призраков, дочь короля, и я ничем не счастливее их.

– Да, Перион, – мудро ответила она, – весна не за горами: время вечного волшебства. Я не менее миловидна, чем прежде, а сердце, по-моему, стало даже нежнее. Ты все еще молод, и ты очень красив, мой смелый пес... И однако никого из нас это вообще не трогает! Для нас весна – выжившая из ума колдунья, забывшая вчерашние заклинания. Думаю, об этом можно пожалеть, хотя я не хотела бы, чтобы было иначе.

Она ждала, сказочная и распутная, и, казалось, обдумывала, как бы поискуснее навредить. Вздыхнув, он заявил:

– Да, и я не хотел бы, чтобы было иначе. Затем Мелюзина поднялась и сказала:

– За тобой охотятся, и ты безоружен... да, я знаю. Деметрий сам мне все рассказал, поскольку у сына Мирамона Ллуагора есть причины доверять мне. Кроме того, что-то ведь значит, что моей матерью была Пресина, и я знаю много таких, явлений, которые крадут свет у прошлого, чтобы осветить будущее. Идем со мной! Я у тебя в долгу, мой Перион. Ради того умершего юноши ты можешь, не теряя достоинства, принять от меня коня, оружие и кошелек, потому что по-своему я любила того юношу.

– Я с радостью приму ваш щедрый дар, – ответил он и как бы для очистки совести добавил. – Считаю,

что я не вправе отказываться от сделанных от чистого сердца подарков, помогающих мне в служении госпоже Мелицене.

Мелюзина хотела было что-то сказать, но передумала. Возможно, она знала все о Мелицене: ведь она не задала ни одного вопроса. Мелюзина только пожала плечами и засмеялась, и они вдвоем пошли на запад. Временами луч солнца падал на ее бледные волосы и делал их серебристыми. Так пробирались они сквозь дремучую чашу, куда еще не ступала нога дровосека?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АГАСФЕР

*Как сострадание проявил злодей
К горюющей сильнее всех людей,
Он к Мелиценте Обратился так:
«Сударыня, чтоб не попасть впросак
В игре, где ставки выше, чем всегда,
Я вам клянусь, не причиню вреда
Вам боле, и от вас я ухажу,
Хотя и несравненной нахожу».*

ГЛАВА XXI

Как защищал свою собственность Деметрий

В Пуактесме рассказывают историю, повествующую о том, как вернулся Деметрий в страну язычников и обнаружил, что там ничего не изменилось. Также рассказывают о том, как он позвал к себе Мелиценту. История описывает и то, как на лестнице, которая вела из Сада Женщин вниз к цитадели, – в народе ее называли Царицыной Лестницей, потому что она была сооружена царицей Рудабой много лет тому назад, когда Накумерой владел император Заль, – обнажив меч, стоял в ожидании Деметрий. Внизу находилось четыре его отборных воина. Кстати, лестница была беломраморная, а охраняли каждую балюстраду сфинксы, высеченные из зеленого порфира.

– Теперь, когда у нас появилась публика, – сказал Деметрий, – можно начать представление.

Заговорил один из воинов. Это был тот самый Евтикл, который (как вы знаете) с риском для жизни отправился в христианские страны, чтобы освободить наместника. Евтикл был выходцем из Западных провинций и с юности следовал за Деметрием.

– Царь Века, – воскликнул Евтикл, – печально слышать, что мы должны сражаться с тобой. Но поскольку твоя воля есть и наша воля, мы должны выдержать это испытание, хотя для нас оно горше алоэ и горячее углей. Господин и повелитель, нет на свете человека, ради которого мы причинили бы тебе вред, и мы будем оплакивать тебя, когда сегодня твой дух пройдет над нами и сквозь нас.

Деметрий ответил:

– Оставьте эти глупости и поднимайтесь! Именно я сегодня постригу свои волосы из-за любви к вам, мои верные плуты. Такое оплакивание залечит ваши раны.

А затем начался бой, и Мелицента осознала, что является свидетельницей далеко не детской игры. Воины напали на Деметрия все разом, и перед таким натиском он слегка отступил. Но его меч сверкал, как молния, и вот, крикнув, он сделал выпад вперед и воткнул меч глубоко в глотку одного из своих наиболее рьяных соперников. Меч прошел насквозь и застрял в золотой цепи, что висела на шее воина, так что Деметрий с трудом вытащил его, в то время как умирающий, спотыкаясь, пятился назад. Поверженный не кричал, хотя и корчился от боли, но лишь хрипел, пока отлетала его душа.

– Давайте же! – крикнул Деметрий. – Подходите и остальные, посмотрим, как вы справитесь со мной! Предупреждаю, что это будет дорого стоить!

Мелицента отвернулась, закрыв глаза ладонями. Она осознала, что бессмысленная резня продолжалась, слышала удары и стоны, но как будто бы откуда-то издалека, так как в это время молила Пресвятую Деву, чтобы та помогла ей покинуть это отвратительное место.

И тут чья-то рука опустилась ей на плечо и подняла ее с колен. Эти был Деметрий. Он тяжело дышал, но голос его был мягок.

– Достаточно. Не очень-то мне будет нужен Фламберж, когда я повстречаю этого румяного простака, который так дорог тебе.

Он замолчал, а затем вновь заговорил – отчасти насмешливо, отчасти печально.

– Я надеялся, что ты согласишься и восхишься моим умением. Мне хотелось быть восхитительным в твоих глазах... Я потерпел неудачу. Я отлично знаю, что всегда буду терпеть неудачу. Я знаю, что когда Накумера падет, в тот же самый день люди в твоей стране скажут: «Эта пожилая женщина была когда-то Женой Деметрия Анатолийского, знаменитейшего среди язычников». Затем они расскажут о том, как я Расколл напололам голову императора, который сравнил меня с Приапом, и как я вытащил его наследника из-за шпалер, где этот мошенник прятался от меня, и как я посадил этого труса на трон, который мне самому был не нужен; они также расскажут о том, как некоторое время успех сопутствовал мне, и как я правил огромными землями, и как устрашал всех в открытом море, и издавал боевой клич в городах, которые не принадлежали мне, и никого не боялся. Но ты не будешь думать об этом. Ты будешь беспокоиться о здоровье своих детей, об обеде, шитье и вышивании, о ведении своего Маленького домашнего хозяйства. И паук сплетет паутину в моем шлеме, который будет висеть в качестве трофея в замке мессира де ла Форэ.

Затем Деметрий с Мелицентой молча прошли в Сад Женщин. Казалось, он обдумывает какое-то решение. И вдруг Деметрий стал рассказывать о том соревновании в великодушии, в котором он участвовал вместе с Перионом Лесным в стране Теодорета.

– Отдавая должное этому длинноногому парню, – сказал в заключение Деметрий, – нужно заявить, что нет на свете более сильного воина. Меня всегда будет интересовать вопрос, избавился бы я от Периона или нет, не вмешайся дочь русалки. Да, у меня прежде были с ней кое-какие дела. Вероятно, лучше поменьше говорить о них. – На некоторое время Деметрий о чем-то задумался, а затем его смуглое лицо просветлело. – Скажи спасибо, жена, что я нашел противника, достойного меня. Он вскоре явится, и тогда уж мы будем биться насмерть. Я с нетерпением жду этого дня.

Хвалебные речи о Перионе, какими бы словами они ни выражались, опьянили Мелиценту. Деметрий увидел, как слегка порозовели ее щеки, как вспыхнули ее глаза. Это подсказало, как вести ему себя дальше. После этого Деметрий часто говорил о Перионе и его деяниях в этом запертом на все засовы дворце, куда не мог проникнуть ни один отзвук внешнего мира, разве что по соизволению наместника.

С неподдельным восхищением он рассказывал Мелиценте о смелости и отваге Периона, заявляя, что не было военачальника со времен Ганнибала, Иисуса Навина и архиепископа Турпена, который обладал бы таким превосходством над другими. И Деметрий поведал о том, как Вольные Соратники в поисках приключений проехали верхом четыре королевства и состояли на службе у множества властителей, но всегда сражались выше всяческих похвал.

Разговоры о Перионе доставляли Мелиценте наслаждение. С помощью таких взяток Деметрий получил то, чего нельзя было купить: Мелицента больше уже не избегала его.

И тут уместно сказать несколько слов сострадания. Чувство, которое владело этим мужчиной, трудно назвать любовью. Скорее это была болезнь, которая отравляла все его существование; государственные дела стали ему казаться скучными, власть – бесполезной, шумные оргии – унылыми. Но больше всего его мучили те мерилы, по которым жили Мелицента и Перион. Он хорошенько обдумал эти критерии и обнаружил, что они нерушимы; и Деметрий также понял, что до тех пор, пока он доверяет собственной рассудительности, которой одарили его Небеса, они будут казаться ему в высшей степени глупыми. И, следовательно, ловить себя на том, что рассматриваешь эти сумасшедшие представления со своего рода завистью, было невыносимо.

Опустить Мелиценту до своего уровня или подняться самому до ее уровня, в равной степени было ему не по силам. Временами он ее ненавидел.

Так проходили месяцы, и уже велась летопись событий еще одного года. Но пока ни Перион, ни Айрар де Монтар и никто другой из врагов Деметрия не напал на Накумерский замок, и широкое поле

перед цитаделью оставалось пустынным, и только шакалы завывали здесь по ночам.

– Непонятно, почему не появляются мои враги, – говорил Деметрий Мелицента. – Не может того быть, что они забыли про нас с тобой. Это просто невозможно.

Он хмурился, его мучило, что так долго тянутся дни. В конце концов, он послал четырех лазутчиков в христианские страны.

ГЛАВА XXII

Как на Накумеру обрушилось несчастье

Одним майским утром Деметрий пришел к Мелицента совершенно разъяренный.

– Все – мошеники! – ворчал он. – Я зря потерял время, родившись в этот презренный век. Где великаны и тираны, где могучие прямодушные герои прошлого? Они мертвы, и кости их сгнили. Мне не суждено больше сражаться. Вместо этого я буду читать и слушать легенды, ибо жизнь в наши дни не стоит ни любви, ни ненависти.

Мелицента спросила, в чем причина его гнева, и он рассказал, что его лазутчики доложили, что кардинал де Монтор никогда не сможет возглавить поход против Деметрия. В ноябре скорпостижно скончался Папа Римский, и было необходимо назвать имя его преемника. Коллегия кардиналов после трех дней выборов не смогла прийти к единодушному решению. Госпожа Мелюзина, как всегда действуя рука об руку с Айраром де Ментором, переговорила с епископом, проверявшим всю пищу, которая доставлялась в покои, где князья церкви должны были томиться до тех пор, пока, без малейшего влияния со стороны внешнего мира, они не выберут следующего Папу.

Кардинал Генуэзский получил на четвертый день заседания цыпленка, начиненного документами на право владения дворцами в Монтичелло и Сориано; кардинал Пармский – сходным образом приготовленную дичь, сделавшую его хозяином епископской резиденции в Порто вместе со всей мебелью и винным погребом; такого же рода блюда подали и кардиналам Орсино, Савелли, Сан-Анжело и Колонны. Такое питание излечило их от нерешительности, и Айрар де Монтор вскоре взшел на Папский престол в качестве Епископа Римского и слуги слуг Божьих. Дни его военной карьеры закончились.

Деметрий оплакивал потерю грозного противника и смеялся над тем, что наместник Бога на земле был назначен шестью курицами. Но особую боль ему доставило известие о том, что Перион обвенчался с госпожой Мелюзиной и уже заимел двух вполне здоровых детей: Бертрама и Бланиферту – и что Перион в огромном Акаирском Лесу, находившемся поблизости от собственного дома Мелиценты, теперь спокойно наслаждался богатством и независимостью Брунбелуа.

Об этом Деметрий рассказал без всякой охоты. Он отвел глаза и упрямо смотрел на одну из малиновых подушек, лишь бы не видеть лица Мелиценты. Она это заметила и была ему благодарна.

Деметрий с горечью произнес:

– Это старая, безвкусная история. Он забыл тебя, Мелицента: так любой умный человек всегда избавляется от мечты своей юности.

На что Мелицента ответила:

– Милостивый государь, мне очень мало известно об этом Перионе, о котором вы мне рассказываете. Я лишь знаю, что тот Перион, которого я любила, меня не забыл.

И Деметрий, испытывая приступ боли, словно при подагре, задался вопросом, почему смысл любой речи столь таинственен. Было майское утро, жаркое и тихое, и Деметрий сидел вместе со своей женой-христианкой во Дворе Звезд.

И Мелицента сказала:

– Возможно, что тот Перион, которого знают люди, забыл меня и службу, которую я с радостью сослужила Периону. Пусть тот, кто хотел бы понять тайну Распятия, сперва полюбит! Я молю, чтобы в

память прошлого Перион и его жена извели преуспевание. Я не завидую ей. Наоборот, мне жаль эту грешную колдунью, потому что прошлой ночью я бродила по некоему лесу рука об руку с юным Перионом, достоинства которого она никогда не узнает так, как Узнала их я.

Деметрий же на это сказал:

– Ты утешаешь себя снами? – И смуглый наместник усмехнулся.

– В этом лесу всегда царит полумрак, – ответила Мелицента, – и свет там ни зеленый и ни золотой а их некая смесь. Вроде уютного покрывала для всех тех, кто был несчастлив даже много лет назад. Там находится Изольда, и Фисба, и многие другие, и они там не разлучены со своими возлюбленными... Иногда там верхом на пантере проезжает Венера и ветви хлещут по ее нежной коже. Мы с Перионом выглядываем из-за деревьев, и мы счастливы и слегка испуганы в нашей чаще.

Деметрий же на это сказал:

– Ты утешаешь себя безумием? – Веселость его совершенно покинула.

– О, нет, – ответила Мелицента. – Тот Перион, которым сейчас обладает Мелюзина, просто мужчина... очень счастливый мужчина, да поможет ему Всевышний и все святые. Но мне повезло больше, потому что я никогда не потеряю моего Периона. И хотя я не смогу когда-либо коснуться руки этого юного Периона, увидеть его честное и отважное лицо – самое прекрасное из всех лиц, какие я только видела, я не горюю, потому что ночью мы бродим рука об руку по нашему лесу.

Деметрий же на это сказал:

– Но ночь проходит, и солнце освещает мое лицо – для тебя самое отвратительное из всех лиц!

А Мелицента лишь сказала:

– Милостивый государь, хотя разлучающее нас солнце светит очень долго, я должна быть смелой и достойной любви Периона... нет, скорее той любви, которую он мне однажды подарил. Я не могу горевать, потому что в нашем лесу нет зла.

– Уходи! – сказал наместник, когда она закончила говорить, и заметил ее кроткий, глубокий и преданный взгляд, обращенный на того, кого здесь не было. – Уходи сейчас же, или я тебя убью!

Удивленная Мелицента повиновалась. И Мелицента, слишком гордая, чтобы показать свою боль, подумала: «Я могла бы вынести все это, но я слишком слаба, чтобы выдержать это не жалуясь. Я достойна презрения. Я должна любить Мелюзину, которая, без сомнения, любит своего мужа так же сильно, как люблю его я, – а разве может женщина любить иначе? – и однако я не могу ее любить. Я могу только рыдать из-за того, что я, у которой украли всю радость и у которой нет детей, чтобы меня оплакивать, должна одна, проклятая судьбой, брести к смерти, в то время как Мелюзина смеется вместе со своими детьми. У нее двое детей, как сообщил Деметрий. Я думаю, что мальчик должен быть очень похож на Периона. Наверное, эта грешная колдунья очень счастлива, когда берет сына на руки».

Вот так размышляла Мелицента. Но и ее сильный муж, похоже, не чувствовал себя спокойнее. Он вскоре покинул Накумеру, переполненный гневом, от которого у него тряслись руки, с намерением убивать и грабить: короче, заставить всех разделить его страдание.

ГЛАВА XXIII

Как прощался Деметрий

И однажды, когда наместник после шестинедельного отсутствия вернулся в Накумеру, Агасфер привел госпожу Мелиценту во Двор Звезд. Деметрий возлежал на диване, опираясь на многочисленные подушки, словно и не пошевелился с того первого дня, когда принцесса Мелицента предстала перед ним в расцвете юности и красоты.

– Встань сюда, – сказал он, не сделав ни малейшего движения, – чтобы я мог рассмотреть свое приобретение.

И, криво улыбнувшись, Деметрий продолжил:

– По собственной воле я приобрел страдание. А также и смерть. Забавно... Два дня назад в бою, в одной лиге к северу от Калонака, я встретился лицом к лицу с франкским вождем. Он стремился к этому уже давно. Я также хотел этого. Я подумал, что нет ничего приятнее, чем видеть, как копыта моего коня утопают в его крови... Но в первой же схватке он сбросил меня с коня, хотя я далеко не слабак. Не могу понять, как это случилось. Верующие скажут, что я оскорбил Бога, но лично я думаю, что просто мой конь споткнулся. Но сейчас это неважно. Более важно то, что у меня, похоже, сломан позвоночник, поскольку я не могу двинуть ни рукой, ни ногой.

– Милостивый государь, – сказала Мелицента, – вы имеете в виду, что вы умираете!

– Да, – ответил он. – Это меня мало беспокоит, но я вижу, что это слегка тебя взволновало.

Всхлипывая, она трижды повторила его имя. И у нее в голове промелькнула мысль о том, насколько странно, что она горюет о Деметрии.

– О Мелицента, – хрипло проговорил он, – давай покончим с ложью! Этот франкский полководец, из-за которого я умираю, Перион де ла Форэ. Он не колебался ни секунды. Он искал встречи со мной с того дня, когда твои жалкие камешки пошли на его вооружение... Да, я солгал. Я всегда надеялся, что он поступит так же, как на его месте поступил бы я. Напрасно надеялся! Долгие годы этот статный маньяк без устали атаковал Накумеру. Затем дочь русалки, эта странная и своенравная хозяйка Брунбелуа, попыталась заманить его в западню. И это тоже было напрасно. Она потерпела неудачу, как донесли мои лазутчики... даже Мелюзина, которая прежде не терпела неудач в подобных предприятиях.

– Конечно же, злая колдунья потерпела неудачу! – воскликнула Мелицента. Лицо ее чудесным образом изменилось, и она продолжила, но не совсем искренне. – Да я никогда и не верила, что эта подлая женщина могла подвигнуть Периона на измену.

– Нет, безумие этого глупца неизлечимо, как и твое. «En cor gentil domnei per mort no passa» – так поют у тебя на родине... Как упорно я лгал, какие страдания перенес, если б ты только знала! Но сейчас это уже неважно. Любовь, которую питает к тебе этот человек, – рявкнул Деметрий, – дана самим Богом, которому мы по-разному поклоняемся. Любовь, которую питаю к тебе я, человеческая, потому что я всего лишь человек. – И Деметрий рассмеялся. – Болтовня, болтовня и болтовня! В старом гнезде не найдешь новых птиц.

Она положила ладонь на его неподвижную руку и ощутила, как та холодна и как распухла. Она плакала, видя поверженного тирана, который, по крайней мере, не всегда был по отношению к ней недобр. Страстью был наполнен его взгляд, когда он сказал: – Вот и кончился поединок между нами. Если бы смог, я поприветствовал бы победителя... Мелицента, я ведь до сих пор считаю вас с Перионом глупцами. Мир, в котором мы живем, довольно сносен, и здравый смысл требует, чтобы мы испробовали каждое лакомство, которое этот мир нам предлагает. Однако он – лишь поле для вашей безрассудной страсти, и все, что в нем есть, – как удовольствия, так и страдания – лишь препятствия, которые ваше всепоглощающее безумие оставляет без внимания. Мне не понять этой мании. Тем не менее мне бы этого хотелось. Я всегда больше тебе завидовал, чем тебя любил. И всегда моим желанием было не завоевать любовь Мелиценты, а скорее любить Мелиценту так, как она любит Периона. Вот, думаю, почему я отложил в сторону приобретенную мной игрушку.

Казалось, сказанное озадачило его самого.

– Дорогой друг, эта причина одна из самых благородных. И вы поступили по-рыцарски. По крайней мере, ваш поступок достоин моего Периона.

Так как женщины склонны к прямоте, то возможно, она не поняла, почему Деметрий рассмеялся. Он же сказал:

– Я хочу служить тебе, и я всегда, так или иначе, служил тебе. Да, по-моему, я всегда хотел вернуть тебя Периону. Между тем наблюдение за вашей страстью, хотя и причинявшее боль, настолько забавляло меня, что я изо дня в день откладывал собственное преображение на завтра. – Он скривился от боли. – Мой сын Орест, который вскоре станет моим преемником, уже вызван сюда. Я прикажу, чтобы он сразу же

отправил тебя в лагерь Периона... Это рядом с Квезитоном.

– Я не могу оставить вас, мой друг, до тех пор... В его улыбке ясно читалось окончательное решение.

Деметрий заметил:

– У мертвой собаки нет зубов, чтобы служить прекрасной страсти. Мои женщины слишком ненавидят тебя. Ты должна прямо сейчас отправиться к Периону, пока еще жив Деметрий Анатолийский, или уже не выйдешь отсюда никогда.

У нее не было слов. Она плакала скорее не от счастья, что наконец возвратится к Периону, а от печали, что Деметрий умирает. Как любая женщина, она помнила лишь о том, что этот мужчина по-своему любил ее. И, как любая женщина, она не могла не гордиться силой Периона.

Затем Деметрий сказал:

– Я должен изведать сомнительное изгнание. Я был силен и храбр, я громко смеялся, я много пил, но Небеса более не хотят, чтобы Деметрий существовал. Я не могу предаваться унынию, поскольку слишком скоро покину все то, что любил. Я прощаюсь со всеми развлечениями и забавами, с победами в сражениях, с богатыми нарядами из меха и шелка, с шумными пирушками, с музыкой, с тщеславным блеском самоцветов и ярким солнечным светом. Я прошу у каждого лишь сострадания и прощения...

– Я печалюсь, в основном, потому, что должен оставить Мелиценту одну в этом опасном краю, беззащитную перед злобой тех, кто хочет причинить ей вред. Я был знаменитым воином, я был могуч и мог надежно ее защитить. Но Судьба нанесла мне смертельный удар. Необходимо, чтобы я ушел туда, где грешники, неважно, в коронах или в лохмотьях, ищут незаслуженного милосердия. Я прощаюсь со всеми, кого любил, со всеми, кому принес горе, а главное, с тобой, дорогая Мелицента, и в основном у тебя я прошу сострадания и прощения...

– О глаза, волосы и губы Мелиценты, которую я любил так долго, что не испытываю сейчас чувственного желания. Однако на смертном одре я взываю к чистой душе Мелиценты – единственному противнику, которого я, Деметрий, никогда не смог победить. Я был хищным зверем, и, как зверь, я приходил в ярость, видя, что ты так непохожа на меня. И сейчас я, умирающий зверь, прошу у тебя не любви, поскольку это дело прошлого. Я прошу у тебя жалости, которую я не заслужил, и прощения, которого не достоин. Побежденный и бессильный, я прошу у тебя, о душа Мелиценты, сострадания и прощения...

– Мелицента, возможно, когда я умру и ничего не останется от Деметрия, кроме могильного камня, ты поймешь, что я любил, даже когда ненавидел, то божественное, что есть в тебе. Поскольку ты – женщина, ты когда-нибудь возьмешь в свои ладони лицо твоего любимого, как никогда не брала мое, Мелицента, и беззаботно расскажешь ему о моей глупости; и поскольку ты – женщина, ты потом вздохнешь и не откажешь мне в сострадании и прощении.

Она, которая была щедра на милосердие, дала ему и то, и другое. Появился Орест, а за ним по пятам следовал Агасфер, и Деметрий отослал Мелиценту в Сад Женщин, чтобы сын и отец смогли поговорить наедине. Она оставалась там около получаса, как и велел ей наместник, в последний раз повинувшись его извращенной воле. «В последний раз! Разве это не странно», – подумала Мелицента.

Это была не только радость, которой так давно не знала Мелицента. Скорее, это было новое восприятие мира. Мир казался Мелиценте прекрасным.

И в самом деле, Сад Женщин в это утро доставлял наслаждение всем органам чувств. Цветущий жасмин образовывал живые изгороди; дорожки были посыпаны свежими опилками, перемешанными с шафраном, киноварью и перемолотой в порошок слюдой; на деревьях зрели плоды, а под ними струились ручейки. Светило солнце, а со всех сторон раздавалось птичье пение. На деревьях резвились павианы, священные животные Луны. Тут же стояла фигура женщины, высеченная из черного камня, у которой были покрытые эмалью глаза и три ряда грудей, а нижняя часть тела была невидна. На сверкающем пьедестале грелись на солнце хамелеоны с раздутыми зобами. Вокруг Мелиценты благоухали розы и левкои, нарциссы и амаранты, фиалки и лилии.

Таков был мир, в котором жила Мелицента, знающая, что Перион ее любит.

Этот мир казался Мелиценте прекрасным. Он был создан для Вечной Любви, чтобы люди могли здесь достойно служить любви. Были здесь и боль, которую надо терпеть, были и время, и бренность, и лишения – но все это существовало лишь для того, чтобы любовь могла над этим посмеяться; пара морей, которые любовь могла раздвинуть; поверхностная мудрость, которую любовь отрицала; придуманные людьми законы, на которые любовь не обращала внимания, – все это не более, чем физические препятствия. Преодолев их, влюбленные получали право войти, рука об руку, в рай, где правит Вечная Любовь.

Вот о чем думала Мелицента, которая знала, что Перион ее любит.

Она сидела на каменной скамье и расчесывала свои золотистые волосы, не обращая внимания на появившуюся седину. К ней подошел павлин и стал наблюдать за ней блестящими глазами. Он наклонял свою сверкающую голову то в одну сторону, то в другую, словно дивясь еще одному сияющему, красочному существу, которое казалось таким счастливым.

Она не осмеливалась думать о предстоящей встрече с Перионом. Вместо этого она посвятила ему песенку, в которой не было ни единого слова, так что невозможно ее здесь воспроизвести.

Вот так жила Мелицента, которая знала, что Перион ее любит.

ГЛАВА XXIV

Как правил Орест

Мелицента вернулась во Двор Звезд. Когда она входила, Орест снимал красную подушку с лица Деметрия. Глаза стоявшего рядом Агасфера были так же невыразительны, как глаза змеи.

– Великий наместник возложил на меня весьма неудобные обязательства, – сказал Орест. – Великий наместник покинул нас, чтобы своим великолепием усилить сиянье Елизиума.

Она поняла, что молодой человек задушил собственного отца, и убедилась, что Орест был истинным сыном Деметрия.

– Иди, – сказал Орест, – иди и помни, что теперь здесь хозяин я.

– В какую дверь? – спросила Мелицента, еще надеясь на что-то.

Но он, словно устыдившись, указал на вход в Сад Женщин.

– Я не питаю вражды к тебе, чужеземка. К тому же моя мать хочет поговорить с тобой, а мне нужно совершить одну сделку с Агасфером.

Мелицента поняла, кто внушил Оресту мысль об убийстве наместника. Казалось несправедливым, что Каллистион ненавидит ее так сильно. Но Мелицента припомнила нечто, касающееся госпожи Мелюзины, и не удивилась ненависти Каллистион и тому, что совершил ее сын.

– Я должна перенести все неудобства и, может быть, пытки еще какое-то время... Но сегодня у меня есть хорошее средство от любых неприятностей, – сказала Мелицента и величественно, как и подобает принцессе, она прошла мимо Ореста и опустилась на колени перед тем, кто еще вчера был ее хозяином.

– Прощаясь, я не нахожу слов ни для проклятия, ни для восхваления. Тобой трудно восхищаться, Деметрий. Но ты отправляешься в жуткое путешествие, и в моем сердце сохраняются воспоминания о долгих годах, в течение которых ты по-своему был добр ко мне. Нашей сделке пришел конец. Я по собственной воле продала то, что ты купил. Я не смею тебя упрекать.

Затем Мелицента взяла в свои ладони его мертвое лицо: так матери ласкают своих сыновей.

– Если б я сделала это, когда ты был жив, – воскликнула Мелицента, – потому что я понимаю сейчас, что ты по-своему меня любил. И я молю, чтобы ты узнал, что я очень счастлива. Думаю, что это сейчас порадует и тебя. Меня превратят в рабыню, Деметрий, там, где благодаря твоей доброте я жила, как царица. Меня ждут лишения, которые я должна выдержать в одиночестве. А возможно, меня ждет что-то гораздо худшее. Но я узнала наверняка, что любовь не пройдет, что узел, который связывает мое сердце с сердцем Периона, нельзя разрубить. Жизнь – более емкое понятие, чем мы с тобой предполагали! И в

моем сердце глубокая жалость к тебе, Деметрий, потому что ты так и не нашел любви, которой я стремлюсь быть достойной. Сама того не ведая, я была проклятием для тебя, как и ты – сейчас я уверена, – стал, вопреки своей воле, проклятием для меня. Я заключаю с тобой новую сделку и кричу в твои уже неслышащие уши: «Прощение за прощение, Деметрий!»

Затем Мелицента поцеловала губы, которые никогда больше не изогнутся в усмешке, и, поднявшись, гордо и бесстрашно проследовала в Сад Женщин.

Агасфер, однако, настолько сдержанно пожал плечами, что ей стало страшно. Затем страх прошел, поскольку она ясно осознала, что все последующие удары судьбы должны восприниматься совершенно обыденно. Ибо Перион, как она теперь знала, находился совсем рядом – у него чистые руки и единственная цель, а в сердце такая любовь, что Мелицента невольно волновалась при мысли, достойна ли она ее.

ГЛАВА XXV

Как говорили между собой женщины

Госпожа Мелицента гордо прошла через Сад Женщин и вступила в цветущую апельсиновую рощу. Здесь был искусственный пруд, из которого брали воду для полива деревьев. На берегу лежало тело десятилетнего Диофанта, сына Деметрия и его жены Триферы. Орест задушил Диофанта, чтобы избавиться от соперника в борьбе за трон. Юноша лежал на спине, и его левая рука по локоть была погружена в воду и плавно там покачивалась.

Каллисион сидела рядом с трупом и поглаживала его правую руку. Она ненавидела мальчика всю его короткую и радостную жизнь. И сейчас она думала о том, как похож он на Деметрия.

Она взглянула на Мелиценту широко раскрытыми глазами человека, который вышел из темноты на свет, и сказала:

– Итак, Деметрий мертв. Я думала, что буду с радостью произносить эти слова. Но странно, я совсем не радуюсь.

Она поднялась с трудом, будто дряхлая старуха. На ней было длинное черное платье без пояса, на котором отсутствовали застёжки и какие-либо украшения, кроме двух золотых звезд на груди.

– Сейчас, посредством своего сына, в Накумере правлю я, – сказала Каллисион. – Нет никого, кто бы осмелился не повиноваться мне. Подойди поближе, чтобы я смогла рассмотреть ту красоту, что так одурманила Деметрия, которого я, должно быть, любила.

– Удовлетвори свое любопытство, – ответила Мелицента, – и знай, что имей ты и десятую часть моей красоты, ты смогла бы завладеть сердцем Деметрия.

Ибо Мелиценте пришла в голову мысль заставить эту женщину убить ее раньше, чем та приступит к своим изощренным пыткам.

Но Каллисион лишь долго и внимательно изучала гордое лицо Мелиценты и убеждалась, что вряд ли между двух морей найдется более красивая женщина. Время мало повлияло на Мелиценту, и даже если сейчас в ней не было девической прелести, Каллисион все равно нигде не видела женщины более очаровательной, чем эта ненавистная франкская воровка.

– Я никогда не была столь красива, как ты, – сказала Каллисион. – Однако Деметрий любил меня, когда я была привлекательна. Ты никогда не видела его в бою. Я же видела, как он один сражался с Абрадасом и еще тремя негодяями, которые выкрали меня из материнского дома. О, как давно это было! Он убил всех четверых. Он был похож на ужасного непобедимого бога, когда после схватки посмотрел на меня. Он взял меня... весь в крови... Мне нравится вспоминать, как он смеялся и как он был силен.

Женщина отвернулась и, перегнувшись через мертвого юношу, стала пристально рассматривать в воде свое отражение.

– Миловидность, которая так нравилась Деметрию, исчезла. Я бы лучше отдала всю кровь до

последней капли, чем позволила бы поранить его палец. Он это знал. Но все было напрасно, потому что у тебя ясные глаза и светлая гладкая кожа. И вот Деметрий мертв. О Мелицента, почему мне так грустно?

Задумчивые глаза Каллистион был сухи, а Мелицента заплакала. Она подошла к этой дакианке и обняла ее, сказав:

– Я никогда не хотела причинить тебе зла. Каллистион, казалось, не обратила на это внимания. Затем она сказала:

– Разве ты не видишь разницы между нами? Они обе стояли на коленях и смотрели в воду.

– Неудивительно, – сказала Каллистион, – что Деметрий любил тебя. В свое время он любил многих женщин. Он любил и мать вот этого куска падали. Но он всегда возвращался ко мне, ложился возле моих ног и клал мне голову на колени, а я перебирала его волосы, и мы говорили о тех временах, когда были молоды. Но он никогда не говорил о тебе. Этого я простить не могу.

– Понимаю, – сказала Мелицента.

Их щеки соприкоснулись, а они, стоя на коленях, смотрели в неподвижную воду. Старшая из них сказала:

– Есть только один учитель, который может дать тебе печальное знание, касающееся природы женской ревности...

– Да, лишь один, Каллистион.

– Должно быть, высокий, и у него, по-моему, густые каштановые, слегка вьющиеся волосы...

– У него черные волосы с отливом, словно вороново крыло.

– У него бледное с румянцем лицо, как у тебя...

– Нет, оно смуглое, как у тебя, Каллистон. Он решителен, как орел. Его взгляд завораживает. Обычно я почти со страхом смотрела на него, хотя и видела, как безрассудно он меня любит...

– Понимаю, – сказала Каллистион. – Все женщины это понимают. О, мы многое понимаем...

Она вытянула руку над телом Диофанта и бросила в пруд камень.

– Посмотри на эту рябь! Сейчас в ней не отражается ни мое старое лицо, ни твоя красота. Волнение, как в человеческом сердце... А сейчас вновь начинает проявляться твоя красота. Но у меня есть еще камни.

– И желание их бросить! – сказала госпожа Мелицента.

– Потому что эта яркая, обворовывающая всех красота уже не принадлежит тебе. Она моя, и я могу сделать с ней все, что захочу... Так же, как еще вчера играл ею Деметрий... Нет, я не убью тебя. У меня есть три настоящих мастера, умеющих превращать красивых детей в страшных уродцев. Правда, они сказали, что не смогут изменить цвет твоих глаз. Жаль! Но один глаз можно и вырвать. Затем с удовольствием посмотрю, как они растянут твой рот от уха до уха, вынут хрящ из носа и превратят волосы в жухлую солому; твоя кожа, которая сейчас, как теплый бархат, касается моей щеки, станет похожа на затвердевшую грязь. Они так же ловко лишат тебя красоты, которая ограбила меня, как я срываю эту травинку... Они уверили меня, что превратят тебя в самое безобразное создание на свете. Иначе я их убью. Как только это будет сделано, ты можешь свободно пойти к своему возлюбленному. Боюсь только, что ты не любишь его так, как я любила Деметрия.

Мелицента ничего не ответила. Тогда Каллистион сказала:

– Все мы, женщины, знаем, моя сестра, о предписанном нам проклятии. Любить мужчину, зная, что он любит лишь губы и глаза, которые дала нам взаймы юность... К тому же ненадолго! Разве это не жестоко? Вот почему мы жестоки... Постоянно в мыслях, а когда представляется случай, то и на деле.

А Мелицента ничего не ответила. Поскольку их любовь с Перионом. – настолько возвышенная и прекрасная, что творила музыку из печали и выжимала новые силы из несомого креста так же, как получают лекарства из горьких трав, – здесь никем, как она знала, быть понята не могла.

ГЛАВА XXVI

Как вершили дела мужчины

В саду появился Орест с Агасфером и еще девятью слугами. Хозяин Накумеры не произнес ни звука, пока прислужники затыкали кляпом рот Каллистион и связывали ее руки. Они молча увели ее из рощи. Один из них нес на плече тело Диофанта, который в тот же день был со всеми почестями похоронен рядом с отцом. Орест весьма чтит традиции.

Все происходило настолько гладко и слаженно, что казалось, подобное уже неоднократно совершалось. Орест небрежно отряхнул ладони, и Сад вновь погрузился в дрему. Невдалеке от него Агасфер выводил пальцем на воде замысловатые узоры, которые, похоже, забавляли еврея.

– Она бы убила тебя, Мелицента, – сказал Орест, – хотя весь Олимп и был бы против. Это было бы неуютно богам. Более того, клянусь Гераклом, у меня нет времени выбирать чью-либо сторону в бабской сваре. С волками жить – по-волчьи выть. Я преследую более высокие цели. И кроме того, совершив невероятный переход, граф де ла Форэ со своими Вольными Соратниками уже стучится в ворота Накумеры...

Сверкнула надежда.

– Ты же знаешь, что если со мной что-нибудь случится, он не пощадит никого. А все твои войска находятся в Калонаке. Господь милосерден! – сказала Мелицента.

– Я не черню чужих богов. Это приносит несчастье. Тем не менее ты напрасно взываешь к своему богу. Даже если бы у меня было всего пятьдесят воинов, Накумеру можно было бы взять только измором. Мы можем спокойно выстоять здесь целый месяц. Да, мои главные силы находятся в Калонаке. Однако мой безумный отец уже призвал их сюда, чтобы они сопровождали тебя в лагерь мессира де ла Форэ. Я использую этих мошенников совсем по-другому. Они прибудут через два дня и появятся как раз в тылу мессира де ла Форэ, который расположился лагерем перед крепостью. Впереди у него неприступные стены, а позади – три меча на один его. И войска де ла Форэ находятся в долине, откуда лишь Дедал с его крыльями мог бы выбраться, но никому другому этого не сделать. Я считаю, что Перион Лесной уже мертв.

И Орест, неуклюже соединяя цепочку выводов, тыкал правым, коротким и толстым, указательным пальцем в ладонь левой руки. Деметрий оставил сына, но не наследника.

Но эта цепь была крепка. Мелицента проверила каждое звено и нигде не нашла слабину. Она уже видела, как будет окружен и разбит Перион.

– И эти войска возвращаются сюда из Калонака ради меня!

– Все происходит очень кстати. Это должно научить тебя не говорить о богах легкомысленно. И также, по совету этого жида, я намерен помочь богам в их трудах. Завтра на рассвете ты появишься на стенах Накумеры в том наряде, в каком впервые увидел тебя граф де ла Форэ. Агасфер утверждает, что в таком случае Перион тем более постарается освободить тебя, что бы ни говорили ему его соратники, поскольку, по мнению Агасфера, ты все еще очень красива.

Мелицента громко воскликнула:

– Моя красота – сущее проклятие для меня и для всех тех, кто желает ей обладать!.

– Но я ее не желаю! – сказал Орест. – Иначе я не продал бы тебя Агасферу. У меня единственное желание – править приграничной провинцией, где я могу каждый день сражаться с врагами и проезжать мимо домов побежденных и ненавидящих меня людей. Агасфер уверяет меня, что император мне в этом не откажет, когда я привезу ему голову мессира де ла Форэ. Походы мессира де ла Форэ уже долгое время действуют на нервы нашему божественному императору.

– Тебя же когда-то носила в своем чреве женщина!.. – пробормотала она.

– Агасфер проницателен во всем, кроме одного. Он упрощает вещи. Любой мудрец знает, что женщина – всего лишь приправа, но не само блюдо. Агасфер не так мудр. Следовательно, у меня есть

прекрасные сокровища, чтобы подкупить этого прекрасного Вафилла, которого наш божественный император продолжает противоестественным образом обожать. Моя мать отправляется в темницу, я же правлю своей провинцией.

И Орест расхохотался, уверенный в том, что этот мир создан лишь для него. Затем он ушел, и госпожа Мелицента осталась наедине с Агасфером.

ГЛАВА XXVII

Как откровенничал Агасфер

Когда Орест ушел, еврей не сдвинулся с места и продолжал водить пальцем по воде, будто размышляя о чем-то. Затем он вытер ладони о шафрановые рукава и сказал:

– Чем мы только не пользуемся при необходимости!

– Итак, ты купил меня, Агасфер? – спросила она.

– Да. За сто две мины. Это большая сумма. Хотя ты необыкновенная женщина и стоишь того.

Мелицента молчала. Светило солнце и со всех сторон раздавалось веселое птичье пение. Она любовалась красотой этого сада, который, казалось, спал под высоким голубым сводом, красотой уединенной Накумеры, которая кишела мерзостями, словно гнездо с ядовитыми змеями.

– Помнишь, Мелицента, – спросил еврей, – ту ночь на Фоморской Отмели, когда ты выхватила фонарь у меня из рук? И твоя рука коснулась моей руки, Мелицента.

– Помню, – ответила она.

– Я самый первый понял, что именно эта женщина помогает Периону бежать. А затем, увидев лицо этой женщины, я понял, что Периона очень любят.

Она молчала.

– Я часто думал об этой женщине. И стал думать о ней еще чаще после того, как поговорил с ней в Бельгарде, принесся весть о пленении Периона... Мелицента, – сказал еврей, – я не слагаю песен, не отличаюсь красноречием, не даю торжественных клятв. За меня говорят мои дела. Я работаю без устали! – Он взглянул на Мелиценту, и на его бескровных губах появилась улыбка, но глаза оставались печальными. – Ненависть безумной Каллистион к тебе и к бросившему ее Деметрию стала первым средством для достижения моей цели. По моему совету нога одного известного тебе коня была туго затянута над копытом тонкой проволокой, которая ее немилосердно натирала. Именно на этом коне Деметрий появился в своей последней битве. Конь споткнулся, и наш страшный наместник разбился насмерть. Все это подстроила Каллистион. А я вот так предал Деметрия.

– Ты настолько омерзителен, что Ад не примет тебя, – сказала Мелицента.

Агасфер махнул рукой, показывая полное равнодушие к подобным обвинениям, и сказал:

– Вот так далеко зашли мы рука об руку с сумасшедшей Каллистион. Но сейчас наши пути разошлись. Она хотела лишь отомстить тебе... причем, очень жестоко, Этот замысел никак не совпадал с моим. Пришлось заключить сделку. Я купил тебя – о редчайшая из редчайших! – ценой маленького разумного совета и большого количества золота в придачу. Вот так я предал Каллистион. А кто это запретит?

– Бог спит, – сказала она. – Поэтому ты живешь и – увы! – должен жить дальше.

– Да, ты должна жить и дальше, и я тоже должен жить дальше, – ответил еврей.

Голос его стал громче и задрожал. Впервые за все то время, как Мелицента знала его, она увидела у Агасфера проявление каких-то чувств.

Но он успокоился и сказал:

– А кто это запретит? В любом случае, есть пословица о соловье и баснях. И прошу тебя запомнить, что я никогда еще не колебался, не дрогну и сейчас. Ты презираешь меня. Кто это запретит? Я с самого

начала знал, что я тебе отвратителен, и всегда считал, что твое отношение ко мне весьма милосердно. Поверь мне, ты никогда не будешь презирать Агасфера так, как презираю его я. Однако иногда я с нежностью отношусь к этому бедному мошеннику... сегодня, например'

Вот так они и расстались.

ГЛАВА XXVIII

Как Перион увидел Мелиценту

Пытка для Мелиценты была придумана такая.

Незадолго до рассвета Агасфер и Орест привели Мелиценту на самую высокую башню Накумеры, которая уже отчетливо была видна в первых лучах солнца. Внезапно долину залил поток света; мгновенно появилось большое малиновое солнце, как будто перепрыгнув через истекающие кровью ночные туманы. Исчезла тьма и все порожденное ночью. Пеликаны, гуси и кроншнепы, будто по сигналу, подняли невообразимый шум. Трижды по-собачьи тявкнул канюк и по спирали взмыл в небо по правую руку от Мелиценты. Он завис недвижимым пятнышком в зените, словно ожидая, когда люди приготовят ему еду. Тепло хлынуло в долину. Сейчас Мелицента могла рассмотреть внизу длинную и узкую равнину. Та поросла высокой травой, колеблемой ветром, и издалека напоминала море, над которым островками поднимались пальмовые рощицы. Вдали шумели и сверкали доспехами готовившиеся к битве Вольные Соратники. Мелицента также увидела – и не узнала – скрытую шлемом голову Периона, отбрасывающую ослепительные солнечные лучи. Перион как раз преклонил в молитве колено, чуть далее расстояния полета стрелы.

Перион заметил женщину, стоящую в лучах новорожденного солнца под многочисленными разноцветными знаменами. Она была одета в белое шелковое платье, а ее руки украшали толстые серебряные браслеты. Ее волосы сияли на солнце так же ярко, как подсолнухи; ее кожа – белее молока; ее руки – нежнее лебяжьего пуха. Ни на кого на свете нельзя было смотреть с большим наслаждением, и все видевшие ее желали лишь одного: любить госпожу Мелиценту и служить ей... Все это знал Перион, влюбленные глаза которого видели не эту женщину на крепостной стене, а юную Мелиценту – такую, какой он впервые узрел ее восемнадцать лет тому назад в далеком Пуактесме.

Вот что видел Перион, преклонив колени перед этой невозмутимой девушкой – серебристо-белой с золотым нимбом развевающихся волос. Желанной и непередаваемо прелестной казалась ему Мелицента, стоявшая в своем одиноком величии под полощущимися стягами на фоне голубеющего неба. Увиденное Перионом напоминало окно, сквозь которое в храм проникает солнечный свет: Агасфер прекрасно знал, какую приманку надо поместить в западню.

Перион вышел на открытое пространство прямо перед замком и трижды позвал ее по имени. Беззащитный перед врагом, когда любой лучник мог его поразить, он радостно запел утреннюю серенаду, которую слышала восемнадцать лет назад Мелицента, когда на подмостках Амфитрион посвящал ее Алкмене, а люди со всех сторон улыбались и Мелицента была юной и не изведала горя.

Перион пел: «*Rei glorios, verais lums e clardatz...*» или другими словами:

Всевышний царь, всемогущий, излучающий истины свет!
Соизволь укрепить веру в душе возлюбленной моей.
Ночь, разлучившая нас, была длинна и горька,
тьму сотрясали холодные ветры, но вот наступает рассвет!..

...Любимая, добро сохрани в сердце своем!
Нас долго пытали кошмарные сны.
Добро сохрани, поскольку рассвет уже близок!
Восток пробудился. Там узрел я звезду, что возвещает о приходе дня.
Я отчетливо вижу ее, ведь наступает рассвет.

Песня сама по себе мало что значила, но великолепная самоцельность ее исполнения в таких необычных условиях показалась Мелиценте подвигом. А осознание скудности его слов, при том что Перион играл со смертью, выказывая должное почтение даме, которой он служил, было для госпожи Мелиценты, при всех ее муках, как поворот кинжала в уже смертельной ране и еще более усиливало ее любовь к нему.

А Перион пел:

Моя любимая! Я, твой слуга, молю тебя: «Храни добро!»
Взгляни на небо, меркнущие звезды и ты увидишь,
что я бдел, как неусыпный страж.
И горе непонимающим то, что наступает рассвет...

Моя любимая! С тех пор, как меня разлучили с тобой,
одна лишь дума была в голове у меня.
Я верен был тебе. Тебе не изменил.
И ежечасно умолял всевышнего о сострадании. И вот наступает
рассвет.

«Мой бедный, запутавшийся мальчик, – думала Мелицента сейчас, как и давным-давно, – Как же так вышло, что ты забрел в наш грязный мир? И разве могу я быть тебя достойной».

И тут заговорил Орест. Его голос разрушил ее восторг, словно появление призрака, и она вспомнила, что весь этот суетный мир – ее враг.

– Это уж точно, – сказал Орест, – что он безумец. Я немедленно прикажу своим лучникам уничтожить его на этом самом месте. С такого расстояния они не промахнутся.

Но Агасфер сказал:

– Не надо, милостивый государь. Не советую. Если вы убьете Периона Лесного, его приспешники тут же снимут осаду и отступят к морю. Но они не отступят, пока этот человек жив и командует ими, а у нас в руках Мелицента, поскольку, как вы можете видеть, этот негодяй совершенно одурманен своей похотью. Его смерть прославила бы вас, но провинцию вы сможете получить только уничтожив всех Вольных Соратников. Самое большее через два дня подойдут наши войска, и тогда мы их всех перебьем.

– Верно, – сказал Орест. – Удивительно, как ты быстро соображаешь.

Вот как Агасфер остановил Ореста, а Перион вернулся в свой лагерь целый и невредимый, в чем его заслуги на этот раз не было.

Затем Мелиценту препроводили в ее покои. И евнухи охраняли ее в то время, как разгорелась битва и ради ее красоты во множестве стали гибнуть совершенно неизвестные ей люди.

ГЛАВА XXIX

Как заключили сделку

На закате Мелицента преклонила колена в своей молельне перед образом Девы Марии и, рассказав о своей горе, попросила совета.

Это действительно была часовня, которую с радостью построил для Мелиценты Деметрий. Для этого он разграбил несколько городов, о которых она никогда и не слышала, и полностью опустошил два храма, поскольку мысль о том, что у жены Деметрия должна быть собственная христианская церковь, очень его забавляла. Образ Девы Марии, этот шедевр Пьетро ди Виченцы, Деметрий нашел на корабле захваченного им флота одного из вольных городов. Это была прекрасно выполненная, раскрашенная статуя.

Последние лучи солнца освещали Мелиценту, падая на нее из окна с витражами, изображавшими страдания Христа и двух разбойников. Рассеянный свет создавал вокруг Мелиценты ореол из мерцающих,

накладывающихся друг на друга цветowych пятен. Все это заметил Агасфер и сказал:

– Ты плачешься Мариамь из Назарета. А вот там Митре приносит в жертву быка. А я не совершаю жертвоприношений и не молюсь какому-либо богу. Но я – единственный человек в Накумере, который знает, чем кончится этот день.

Женщина поднялась с колен и спросила:

– Чем же, Агасфер?

– Он похож на многие другие дни, что я видел. Спокойно взошло солнце. И, как обычно, закатывается оно на западе. Правда, весь день продолжалось сражение. По небу неслись тучи стрел, и лошади, более разумные, чем их хозяева, пронзительно ржали, потому что эти бездушные твари были напуганы бесцельным пролитием такого количества крови. Многие женщины стали вдовами, а многие дети – сиротами из-за двух глаз, которых они никогда не видели. Увы! Все это старо, как мир. И день этот, во всех отношениях, был похож на многие другие дни, что я видел.

– Перион ранен? – спросила она.

– Может ли ранить собаку кот, которого она загнала на дерево? Сейчас псом является Перион. Нет, этот Перион, который когда-то был моим командиром, и сейчас не имеет себе равного на поле брани. Но в то время, как я говорю с тобой, к этому загнанному на дерево коту Оресту подходит помощь. Любовь же загнала Периона в ловушку, и его судьба predetermined.

На что она с твердостью сказала:

– И моя судьба тоже. Поскольку, если Перион попадет в западню и погибнет, я ненамного переживу его.

– Я знаю, – сказал Агасфер, – У женщин бывают такие настроения! Но когда придет час, я думаю, ты не осмелишься покончить с собой. Потому что, насколько я знаю, твоя вера говорит, что Ад, в частности, служит именно тем местом, куда попадают самоубийцы.

Мелицента помолчала немного, а затем сказала совершенно спокойно:

– Чего мне бояться Ада, если мне уготована более горькая гибель? Я знаю, ты очень бы хотел, чтобы я стала твоей игрушкой. Бесчестие, в котором ты погряз, говорит о многом. Но ты не достигнешь своей цели, если Перион погибнет, потому что пути к смерти всегда остаются открытыми. Я лучше несколько раз умру, чем позволю хоть пальцем притронуться ко мне. Агасфер, у меня нет более слов, чтобы выразить тебе свое презрение...

– Тогда заключим сделку, – сказал он, похоже, зная, о чем она думает.

– Хорошо. Пусть Периона предупредят о тех войсках, которые завтра его окружают. Пусть он спасется. Еще есть время. Сделай это, нечестивец, и я буду жить. Да, я буду жить и во всем тебе подчиняться, мой хозяин, пока я тебе не надоем или пока Всевышний не вспомнит обо мне. Он прищурился.

– Ты подкупаешь меня той же самой плотью, которой однажды подкупила Деметрия? И с такой же целью? Создается впечатление, что консерватизм с возрастом делает тебя рабыней привычки.

На что она с горечью сказала:

– Да помогут тебе Небеса, но что еще я могу продать!

Он ответил:

– Ничего. Как и любая женщина в этот мрачный век, так что успокойся, моя девочка!

Она поспешно продолжила:

– Итак, я вновь предлагаю Мелиценте, которая когда-то была принцессой. Моя цена – алые губы, ясные глаза и прекрасное, нежное тело без единого изъяна. У меня нет больше юности, счастья и чести, чтобы предложить их тебе в качестве игрушек. Все это я давно потеряла. О, так давно! Однако все, что у меня есть, я отдаю на это милосердное дело. Посмотри, как близок ты к победе! Подумай, Агасфер, как украсил бы тебя один честный поступок! Тебя, который предавал каждого хозяина, которому когда-либо

служил!

Он же сказал:

– Я с подозрением отношусь к неизведанным путям. Несмотря на все твои уговоры, я не стану связываться с незнакомыми мне добродетелями. Мой план окончательный и изменению не подлежит.

– Ах нет, Агасфер! Подумай только, как я сложена! Нет в этом полном похоти мире более привлекательного животного. Я даже не могу сосчитать, сколько мужчин погибло из-за того, что я настолько привлекательна... – Она улыбнулась, как улыбается тот, кто слишком устал рыдать. – Это тоже старо, как мир. Сейчас, как ни прискорбно, я снижаю цену. За губы, грудь и бедра нужно совершить только один честный поступок, и вряд ли найдется человек, который станет торговаться.

Он же ответил:

– Ты забываешь, что у Периона всегда найдется пара громких слов в отношении твоих сделок. Как ты помнишь, Деметрий заключал сделки. Деметрий был ужасным властелином. Но ему приходилось непрестанно воевать, чтобы сохранить права на твоё тело. А у меня нет ни мечей, ни замков, и я не смогу сохранить ни Мелиценту, ни спокойное существование в обозримом будущем. Нет, я не питаю к моему бывшему командиру никакого недоброжелательства, у меня лишь сильное отвращение к тому, что он перережет мне глотку. Я просто знаю, что пока Перион жив, он не перестанет стремиться к тебе. Я же очень тихий человек и ненавижу всяческие распри. Вот почему я буду избегать таких распри, которые обязательно приводят к перерезанию глоток. Что ж касается остального, то я не думаю, что ты убьешь себя. Поэтому я не изменю своего плана.

Он оставил ее, а Мелицента уже больше не молилась. С какой целью молиться, если у Периона не остается никакой надежды?

ГЛАВА XXX

Как победила Мелицента

В два часа пополудни в спальню Мелиценты вошел Жид Агасфер. Она сидела в постели и увидела, как он, скорчившись от холода, грел пальцы над светильником, и худое его лицо как бы плыло по золотистому озеру среди полной темноты. Она удивилась, что годы, которые миновали с их первой встречи, никак не повлияли на это омерзительное существо. Он мягко произнес:

– Давай поговорим. Некоторое время я тебя любил, прекрасная Мелицента.

– Ты желал меня, – ответила она.

– Поверь мне, я такой же мужчина, как и все остальные, независимо от возраста. Черт возьми! В человеке заключено дыхание Яхве, но в Священном Писании также сказано, что человек сделан из земли. – Еврей выпятил губы, словно что-то вспоминая. – «Ты – великолепный кусок плоти», – подумал я, когда пришел к тебе в Бельгард, чтобы поведать о пленении Периона. Я только это и подумал, поскольку в свое время у меня было столько великолепных женщин, что тебе трудно представить. Потом, по причине, которая касается только меня, я добровольно и верно служил Деметрию. Я служил ему почти так же, как служил королеве Фрайдис, когда привез твоих отца с матерью на Саргилл, где ты и родилась. Однако только сын Мирамона Ллуагора умел великолепно платить мне, причем весьма любопытной монетой. По просьбе Деметрия я соорудил такую грандиозную ловушку, в которую, по-моему, должна была попасться любая женщина на свете. И почему бы мне было не сделать западню для тебя? И кто еще являлся невестой короля, к тому же юной, красивой, одаренной богатством, почестями и всем, что может предложить рай? – Еврей передернулся, словно одежда мешала его изможденному телу. – И ты все это отбросила как ничего не стоящее. Ловушка сработала.

– Но я сделала это ради спасения Периона, – задумчиво сказала она.

– Бесстыжая лгунья, – ответил он. – Ты смело и бессовестно купила у жизни то, что тебе искренне хотелось иметь. Ни Соломон, ни Аристотель, ни Мерлин, ни один другой мудрец, которого обманывали

женщины, не получил от жизни большего. Но я увидел и то, что не видел никто другой. Я увидел хитрую и бесстрашную душу Мелиценты. И я полюбил тебя, и я составил свой план...

– Ты ничего не знаешь о любви... – сказала она.

– Однако я воздвигал в ее честь храм, – заметил еврей и продолжал с претящей кротостью: – Восхитительный храм... но нельзя его построить без того, чтобы множество людей не копалось долгое время по пояс в грязи. Именно такое копанье в грязи, похоже, необходимо. Так что я играл. Я играл коварную музыку. Гордость Деметрия, ревность Каллистион, жадность Ореста – вот лишь некоторые из отверстий на той флейте, на которой я играл свою коварную, смертоносную музыку. А кто это запретит?

Она жестом велела ему продолжать. Теперь она его не боялась.

– Перейдем тогда к последней ноте моей музыки! Ты предлагаешь сделку, говоря: «Спаси Периона и получишь мое тело». Я же отвечаю: «Щелк!» Поворот ключа решает все. Соответственно я предал Накумеру. Я впустил в крепость Периона и его широкоплечих воинов. Сейчас, когда я говорю с тобой, они убивают Ореста во Дворе Звезд. – Агасфер беззвучно рассмеялся. – Тщеславие не к лицу еврею, но должен отметить, что я сделал все это великолепно. И, следовательно, я дарю Периону не только жизнь. Я дарю ему также победу, множество перерезанных глоток и необыкновенно богатую крепость. Разве я не заплатил твою цену, Мелицента? Разве я честным образом не заполучил шедевр Небес из плоти, волос и прочих телесных мелочей с помощью куска проволоки, кошелька и большого ключа?

– Заплатил, – сказала она. Он же спросил:

– Но будешь ли ты придерживаться условий сделки? Тебе достаточно лишь громко закричать, и ты избавишься от меня: этот замок теперь принадлежит Периону.

– Ты заплатил мою цену, – ответила она.

Еврей, находясь в каком-то жутком возбуждении, воздел руки к небу и сказал:

– О, я почти готов восхвалять Яхве, который создал непобедимую душу Мелиценты. Ты победила: ты, как всегда, выиграла и, независимо от цены, получила то, что желала. И тебя больше ничего не интересует. Но из-за данного тобой слова, если б я приказал, ты бы сейчас встала и пошла за мной по моим темным тропам. Ты не станешь жульничать, даже в таком крайнем случае, когда это было бы так просто! Перион в безопасности. Ничто не сравнится с этим, и ты не нарушишь клятву, даже данную мне. Ты необъяснимая, ты глупая и беспомощная. И снова я вижу ту Мелиценту, у которой не только фиолетовые глаза и желанная плоть.

Лицо у него стало таким, каким она никогда его не видела. Агасфер сказал:

– Мой путь к победе был достаточно прост. Но я не учел одно препятствие: я влюбился в душу Мелиценты, а не в великолепный кусок плоти, в который все мужчины – даже Перион! – так страстно, до безрассудства влюблялись. Я никак не ожидал, что здание, над которым трудился, станет лишь постелью для моих чувственных вожделений. И потому я играл свою коварную музыку... и потому я отдаю тебе праведного и честного Периона, и именно я бросаю тебя в его объятия. Мне жаль, что вследствие человеческой природы они, по сути, ничем не отличаются от объятий Деметрия. Между тем твой герой, должно быть, все еще занимается великодушной резней во Дворе Звезд.

Агасфер встал на колени и поцеловал ее руку.

– Прекрасная Мелицента, такие отвратительные люди, как Деметрий и я, неизбежно похожи друг на друга. Мы отрицаем, высмеиваем, порицаем или даже ненавидим святость любой благородной дамы, но нет у нас возможности избежать поклонения ей. Твой ветреный Перион, который даже не понимает, в каком мире мы живем, не скоро познает душу Мелиценты. Таково наше печальное утешение. О, ты все еще мне не веришь. Пройдут годы, и ты поверишь. Ну, а сейчас – О всепобеждающая и всетерпящая! – сделай свое последнее дело. И – если мой Брат осмелится это допустить – победи Периона!

И он исчез. Она его больше никогда не видела.

Она взяла лампу, которую принес еврей. Она прошла с ней через Сад Женщин, где метались какие-то беспокойные тени, но не было ни души. Она подошла к выходу из Сада. Там шло сражение. Она обошла

сражающихся и спустилась по Царицыной Лестнице на балкон, возвышающийся над Двором Звезд. На балконе никого не было.

Под нею тоже шла битва. В дальнем конце двора на желтых и красных плитах (от крови желтые плиты тоже стали красными) распростерлось тело Ореста, а над ним возвышался Перион Лесной. Победитель вытирал меч о тот самый диван, на котором возлежал Деметрий, когда Мелицента впервые его увидела. А Перион, вкладывая меч в ножны, повернулся и увидел знакомую и дорогую его сердцу обительницу его снов. В руке у нее мерцала лампа.

– О Мелицента, – громко воскликнул Перион, – я достиг своей цели. Подойди же ко мне!

Она тут же повиновалась, так как ее единственная радость – угождать Периону. Спускаясь по лестнице, она думала о том, как похожи эти темные ступени на те временные невзгоды, которые она преодолела, служа Периону.

Он стоял совершенно неподвижно, обливаясь потом: схватка была ужасна. Она подошла к нему, обойдя убитых. Его после такой кровопролитной битвы слегка трясло. Вокруг воины Периона подбирали раненых.

Факелы отбрасывали во все стороны дрожащие, колеблющиеся тени.

Мелицента и Перион смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

Думаю, что в первое мгновение Перион был разочарован. Он надеялся встретить девушку, которую когда-то оставил на Фоморской Отмели.

Увидел же он женщину, все еще прекрасную, но женщину, которая была ему незнакома. Так закончились поиски Мелиценты. Их любовь погрела Время и Судьбу. И тогда Время и Судьба решили отомстить: это была не та девушка, которую любил Перион в далеком Пуактесме; эта была не та девушка, за которую он сражался еще десять минут назад. А Перион – как он впервые понял – был уже не тем Перионом, которого просила вернуться к ней та девушка. Легче было представить Периона, который любил Мелюзину...

Затем Перион понял, что, возможно, любовь – сила слишком величественная, чтобы ее обсуждали мелкие люди, которыми она правит. Он посчитал, что это мнение разумно. Не могу сказать, какую такую тайну разгадал Перион. Многие наблюдали восход солнца и удивлялись необыкновенному сочетанию красок. Но безмятежность, благоговение и очищение, связанные с этим ежедневным чудом, огромная самоуверенность, которая каким-то образом излучается, так что созерцающий одновременно и бессилен, и влюблен, не являются всецело делом небесных оттенков. Так случилось и с Перионом. Он познал нечто, что не мог объяснить. Он познал такую радость и такой ужас, которые невозможно выразить. Резко поднялся занавес. И знакомый мир, который был известен Периону, оказался вдруг всего лишь нарисованным на этом занавесе.

И, пораженный, он впервые увидел Мелиценту...

Думаю, он увидел на ее лице образовавшиеся морщины, но он знал, что для него эта одинокая женщина стала этой ночью королевой, которую шумно приветствовал ее народ. Думаю, он скорее обожал, чем любил, как любой мужчина, столкнувшийся с божественным и изумительным безрассудством женского выбора. И однако, я думаю, Перион вспомнил Айрара де Ментора, который когда-то давным-давно сказал о женщинах и их любви так: «Они гораздо мудрее вас, и они всегда заставляют нас становиться лучше благодаря своей непоколебимой вере, что мы лучше, чем есть на самом деле».

Думаю, Перион понял, что юный Айрар де Монтер был прав. Печаль, тайна и красота мира, куда Всевышний – может быть, в насмешку – поместил самодовольного Периона, показались графу де ла Форэ просто невыносимыми. Я думаю, новая, более прекрасная любовь поразила его, как удар меча.

Я думаю, он молчал потому, что словам не было места, Я знаю, что он встал на колени – забыв о победе и сражении – перед этой незнакомкой, которая не была той Мелицентой, которую он искал долгие годы, и все его мысли о потерянной юной Мелиценте исчезли, как туман на восходе солнца.

Я думаю, что это был высший час ее торжества.

(На этом повествование обрывается.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Их стародавних жизней суть – любовь,
А созданы, как наши, – из земли
И воздуха горячего. Но вновь
Влюбленные вдвоем ожить смогли,
Когда им я дыхание свое
Вдохнул в уста, отвергнувшие смерть:
Любовь и песня их, они вдвоем
Пребудут здесь, пока над нами твердь.*

Вот так, довольно-таки внезапно, обрывается история любви Периона и Мелиценты. Единственная известная нам рукопись кончается так же неожиданно, как и началась, и напоминает отрывок музыкального произведения. Таким образом, возникает догадка, что существовал какой-то более значительный текст. Но поскольку о последующих приключениях возлюбленных можно говорить, так сказать, лишь с точки зрения свободного теоретизирования, то кажется более полезным здесь коротко остановиться на сохранившихся фрагментах «Романа о Лузиньяне», поскольку история Мелиценты и Периона, представленная в этой книге, не более чем перевод на английский, с некоторыми незначительными добавлениями, рукописи, опубликованной впервые в 1546 году.

Поль Вервиль в своей монографии о Никола де Кана считает возможным, что «Роман о Лузиньяне» был напечатан в Брюгге издателем Коларом Мансионом примерно в то же самое время, когда Мансион опубликовал «Десяток королев». Но, пока не будет обнаружен экземпляр этой книги, для нас единственным доказательством того, что роман имеет продолжение, является лишь фрагментарная рукопись № 503 в Оллонбианской библиотеке.

Поль Вервиль. Заметки о жизни Никола де Кана.

Руан, 1911, с. 112.

Среди бесчисленного множества рукописей в Британском музее, возможно, нет ни одной, которая дала бы хоть какой-то намек для дальнейшего расследования. В целом «Роман о Лузиньяне», если доверять внешнему виду, является досужим и претенциозным пересказом легенды о Мелюзине; но в сохранившейся рукописи Мелюзина фигурирует весьма незначительно. У нас имеются только последние главы того, что является первой половиной или, вероятно, первой третью законченного повествования. Рукопись о приключениях Мелюзины фантастическим образом обрывается на эпизоде, происшедшем намного раньше того времени, с которого начинают рассказ хорошо известные версии Жана д'Арраса и Тюринга фон Рингольтингена. Поскольку легенда о Мелюзине, как обычно принято, начинается с усыновления графом Эммериком самого младшего сына Мелиценты Раймондина де ла Форэ и внезапной смерти графа от рук собственного племянника.

Но посредством нескольких элизий эпизодическая история о Мелиценте и любивших ее мужчинах была вырвана из основного повествования. Этот обрывок можно резонно считать завершенным произведением, несмотря на его внезапное начало, так как, хотя нам и не рассказывается ничего определенного о более ранних взаимоотношениях Периона и Мелюзины, они вряд ли так уж важны. Размышления о запутанности хронологии повествования и любопытной обработке легенды об Агасфере, в которых Никола разительно отличается от своих предшественников Матфея Парижского и Филиппа Мускеского, а также о вероятном ходе дальнейших событий полезно отнести на счет великолепной изобретательности Вервиля.

В любом случае почти не остается сомнений, что полный роман охватывает жизнь трех поколений, повествуя о том, как сын Периона Раймондин женился на Мелюзине и стал основателем дома Лузиньянов и как этот дом с трудом избежал разрушения внуком Периона Жоффри Большезубым.

Одна черта этого произведения требует особого комментария. События в истории о Мелицене вращаются вокруг «domnei» – рыцарской любви, «Frowendienst» миннезингеров или, как мы неуклюже перевели слово, не имеющее точных эквивалентов, «женопочитания». Вот почему роман о Мелицене, ценой потери вразумительности, назван «Domnei».

На самом деле, в современных языках не существует слова или словосочетания, которое могло бы определить или хотя бы обозначить тот особый рыцарский подход к жизни. И дело не в том, что вся жизнь рыцаря была пронизана любовью, а в том, что «domnei» – это не столько предпочтение какой-то одной женщины, сколько своего рода философия.

«Совокупность мнений и идей, привязанностей и привычек, – пишет Шарль-Клод Фориель», – которая побуждала рыцаря посвятить себя служению прекрасной даме и с помощью которой он стремился доказать свою любовь к ней и заслужить ответное чувство, выражалась одним словом «domnei».

И это, конечно, справедливо. Однако необходимо добавить, что «domnei» – это не только сочетание привычек, привязанностей и мнений; это также болезнь и религия, которые совершенно непередаваемым образом переплетались между собой.

И вы найдете, что Данте, если сослаться лишь на самого доступного из средневековых лирических поэтов, не разделяет эти аспекты «domnei». «Domnei» притупляет все чувства, кроме зрения, заставляет бледнеть, вызывает боли в левой стороне груди, вынуждает валяться в постели, «словно побитого плачущего ребенка». То есть всюду присутствует утверждение, что «domnei» является причиной физической болезни. Что же касается другого аспекта, то Данте никогда не устает повторять, что именно из-за «domnei» его мысли обратились к Богу, и искренне видит в Беатриче де Барди возвышеннейшее свечение, которое позволяет узреть человеку только Божественная Милость. «Это не женщина, это один из самых лучезарных небесных ангелов», – искренне говорит он.

С такой же искренностью следует повторить: «domnei» никогда не было, как можно подумать, показным чувством; истории Пейра де Маензака, Гийома де Кебестенга, Жофрэ Рюделя, Ульриха фон Лихтенштейна, Пусиботского Монаха, Понса де Капдейля и даже Пейра Видаля и Гийома де Балауна являются доказательством того, что это абсолютная жизненная реальность. «En cor gentil domnei per mort po passa», – как заявляет сам Никола. Служение «domnei» включало в себя, а по сути, и навлекало на себя страдания. Это мученичество, посредством которого влюбленный поднимается до святости, а прекрасная дама – почти что до уровня божества.

Каноном «domnei», сущностью «domnei», является то, что любимая женщина ставится между обожанием влюбленного в нее и самим Всевышним как живой образ и телесное напоминание о небесном, как символ красоты, святости, чистоты и совершенства. В ней влюбленный видит – воплощенными, открытыми человеческому восприятию – все качества Бога, которые можно постичь нашим ограниченным человеческим сознанием. Мелицента выступает таким посредником для Периона и в несколько иной степени – для Агасфера, поскольку Агасфер, которому из всех божественных черт дано только бессмертие, отличается от всех остальных людей.

Есть достаточно примеров служения «domnei», когда поклонение символу становится самодостаточным и начинает соперничать с поклонением тому, что первоначально выражал символ – подобные примеры мы можем найти в легенде о Тангейзере, или в намерении Окассена сойти в Ад вместе «со своей прекрасной возлюбленной», или (возможно, это наиболее яркий пример) в наивном заявлении Арнауда де Мервейля о том, что каждая частица его сердца принадлежит Всевышнему и Аделаиде де Безьер. Именно эту темную и мятежную сторону «domnei», религии, подавляемой пышностью и богатством страстного служения, затрагивает Никола, повествуя о Деметрии.

Никола де Кан, посвятивший свою жизнь служению Изабелле Бургундской, везде писал о «domnei» (например, в «Короле Амори») в таких выражениях, которые здесь уместно привести. Вельзевул, как вы помните, потерпел неудачу в попытке заманить в ловушку короля Амори и с отвращением ретировался. «Да порази чума «domnei»!» – рычит в гневе дьявол. А потом продолжает: «Поединок завершен, и я могу говорить совершенно откровенно. Клянусь, что мужчина, трезво смотрящий на вещи, видит, что женщина такое же существо, как и он, и что она тоже подвержена старению. Но когда глупец начинает, путаясь в словах, размышлять о мире, опьяненный обожанием некой безупречной женщины – некоего чудовища,

которого, как подсказывает разум, не существует на свете, – он становится неуправляем, как любой другой маньяк. Потому что этот идиот жаждет от жизни настолько возвышенного, что не может даже мельком увидеть самую жизнь. Настолько увлечен невероятными мечтами, что забывает о пороке. Он ненавидит врожденные и вполне естественные склонности к трусости, непристойности и самообману. Он, короче, неподвластен ни мне, ни любому разумному человеку. И, следовательно, он зачастую вообще не слышит моего шепота. Может быть, другие скажут тебе, почему такая вопиющая глупость должна являться вершиной здравого смысла, но лично я признаюсь в невежестве». «Эта глупость, как ты называешь это состояние и как всегда будут называть его все адовы силы, напоминает одновременно загадку и разгадку, последнее слово Вселенной», – отвечает король...

Никола всем сердцем разделял это убеждение. Мы не можем во всем согласиться с ним, но наше сомнение не делает нас счастливее.

«История провансальской литературы», с. 550.

Дж. Б. К.